

Э.Д. Владимирова

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

Часть 2: антропосоциогенез

**САМАРА
2008**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА ЗООЛОГИИ, ГЕНЕТИКИ И ОБЩЕЙ ЭКОЛОГИИ

Э.Д.Владимирова

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ
НАУКИ**

**Учебное пособие по курсам
«Концепции современного естествознания» и «Антропология»
для студентов специальностей «Социология»
и «Социальная работа»**

Часть 2: антропосоциогенез

Самара

Издательство «Универс-групп»

2008

Антропологические концепции современной науки. Учебное пособие по курсам «Концепции современного естествознания» и «Антропология» для студентов специальностей «Социология» и «Социальная работа»: в 2 ч. Ч. 2: антропосоциогенез / Э.Д.Владимирова; – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2008. – 72 с.

Рецензенты: док. фил. наук С.А. Голубков (Самарский госуниверситет),
канд. филос. Наук А.Н. Огнев (университет Наяновой)

Пособие написано на основе лекций, читаемых автором для студентов социологического факультета более десяти лет. Приведены учебная литература, методические разъяснения, программированные тесты по основным темам курсов «Антропология» и «Концепции современного естествознания», затрагивающим современный круг проблем палеоантропологии, теории эволюции, антропосоциогенеза, происхождения языка и сознания, биологии современного человека.

Пособие предназначено для студентов первого курса дневного отделения, обучающихся по специальности «Социология», но может быть использовано также по курсу «Антропология» студентами специальности «Социальная работа». Тестовые задания ориентированы для проверки знаний в ходе аудиторной работы, а также для самостоятельной работы студентов: например, при подготовке к семинарам, коллоквиумам и экзамену.

Вторая часть включает в себя шесть тем, касающихся, в основном, различных сторон антропосоциогенеза, знаковой деятельности современного человека, теорий эволюционного происхождения естественного языка человека, сознания и бессознательного.

УДК 572, 612.014

ББК 28.7, 15.5

© Владимирова, 2008

Антропологические концепции современной науки

Введение

Во второй части пособия рассматриваются традиционно антропологические проблемы глоттогенеза¹, а также связанные с ним вопросы возникновения трудовой и рассудочной деятельности, сознания и первобытной культуры.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений идея о том, что эволюционный процесс появления человеческого общества – антропосоциогенез – тесным образом предопределен возникновением и развитием у первобытных людей речевой способности. Зоопсихологическое изучение коммуникативной деятельности млекопитающих, наблюдение за речевым развитием детей, анализ антропологических и археологических находок позволили приоткрыть завесу тайны эволюционного происхождения естественного языка человека. Ученые, разрабатывающие научную картину глоттогенеза, также принимают во внимание современные исследования физиологов, изучающих высшую нервную деятельность, работы лингвистов, психоаналитиков и этнологов.

Для понимания закономерностей речевого поведения древних и современных людей необходимы исследования функций понимания и производства речи, психоаналитические изыскания, а также изучение социальной жизни и, в частности, мыслительных механизмов племен и народов, находящихся в первобытном состоянии. Научное моделирование закономерностей символической деятельности первобытных людей, включая их речевое поведение, стало возможным, начиная со второй половины XX века, в связи с развитием объективных методов структурной лингвистики и структурной антропологии, а также современной философии языка.

Языковая деятельность первобытных гоминид возникла в результате дальнейшего развития коммуникативных навыков ископаемых обезьян. По-видимому, большую роль в развитии знаковой деятельности первобытных также сыграла их приспособительная активность в среде обитания, особым образом структурированной в результате совместной социальной практики. Следы адаптивного поведения, которые первобытные люди непреднамеренно или специально оставляли в совместной среде обитания, распознавались теми, кто приходил сюда позже, как знаки, управляющие их поведением (Л.С.Выготский, Ж.Деррида, У.Эко). Постепенное накопление новообразований знаковой деятельности первобытных постепенно привело к качественному скачку, в ходе которого наглядно-действенные практические знаки переросли в абстрактные языковые понятия: действительно, в языке человека есть средства для означивания логических операций отождествления и обобщения, чего нет в знаковых системах животных (Р.Якобсон).

Современные антропологи полагают, что для ископаемых людей «решающим толчком, объединившим мышление и речь в одно целое», была «общественная потребность в

¹ Глоттогенез (*греч.* глотта – язык + генезис – происхождение) – происхождение языка и речевой деятельности в ходе эволюционного развития вида *Homo sapiens*.

кооперации»¹. Подобная точка зрения была выдвинута ещё в XIX веке в трудах Ф.Энгельса. В своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс писал: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг». Более или менее сложная трудовая деятельность требует от человека навыков общения и обучения, а также направленного произвольного внимания и рассудочной деятельности: умения делать хотя бы простейшие умозаключения и обобщения. Из психолингвистики известно, что все эти навыки и возможности не формируются без практики речевой деятельности.

Социализированный субъект – это, прежде всего, говорящий субъект (Ж.Лакан). Межличностные отношения, какими бы они ни были – семейными, трудовыми, дидактическими, дружескими – это, в первую очередь, символические отношения, формируемые в ходе общения людей на основе языковой способности, а в более широком смысле – способности к совместной знаковой деятельности. Таким образом, изучение универсалий знакового поведения современного человека – важнейшая проблема современной антропологии, которая может пролить свет на тайну возникновения речевой способности у ископаемых гоминид.

Также важнейшую роль по ходу сапиентации сыграли такие формы практической деятельности древних гоминид, как заготовка орудий труда для их использования в будущем, освоение огня: сначала – сохранение огня, возникшего естественным путём, затем – его длительное поддержание и, позже, – искусственное добывание. Усложнение интеллекта сопровождалось употреблением древними людьми сложных и составных орудий труда. Большое значение имели следующие формы социальной деятельности: освоение облавной и загонной охоты, развитие охотничьих ритуалов, сложные формы ориентации в пространстве, разделение труда, согласование совместных действий в ходе достижения цели.

Антропологи и палеopsихологи полагают, что основой для появления продуктивного мышления было осознание неопределенности событий будущего времени и страх, связанный с подобной неопределенностью. Из психоаналитической практики известно, что именно переживание психотравмирующих ситуаций лежит в основе познавательной деятельности людей (З.Фрейд, М.Бертран). Во времена первобытности символическое «овладение» неопределенной ситуацией достигалось с помощью сакральных ритуальных действий. Известно, что логические операции мышления, языковое описание действительности служат снижению неопределенности. Функции научного знания выполняли ритуальные мифические тексты.

Подражательное и, в частности, речевое поведение позволяли отдельной особи первобытных гоминид освоить групповой опыт наименее затратным способом. С появлением речи возник новый психологический защитный механизм, служащий выживанию в стрессогенной среде обитания, действующий, как минимум, в двух направлениях. Во-первых, с помощью речи «создавалась» альтернативная реальность – упрощенная, структурированная языковыми означающими, доступная преобразованию в соответствии с практическими потребностями людей. Во-вторых, использование языка конвенционального типа способствовало социальной идентификации, формированию устойчивых идеалов и укреплению групповой сплоченности.

Дополнительная литература ко всему курсу:

1. Алексеев В.П. Першиц А.И. История первобытного общества М.: Высшая школа, 1990.

¹ По: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983. С. 104.

2. Горный Е. Что такое семиотика? <http://kinosemiotika.narod.ru/EGorniy.htm>
3. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983.
4. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. М.: УРСС, 2004.
5. Лингвистические теории конца XX века. Подборка статей // Знание-сила, № 11-12, 1998.
6. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004.
7. Райгородская И.А., Райгородская Ж.И. Антропология. Курс лекций. М.: Изд-во МСХА, 2003

Тема 1 Знаковая деятельность человека

1.1. Предпосылки возникновения речи и сознания в обществе первобытных

По мнению французского антрополога К. Леви-Строса, сообщества людей отличаются от сообществ млекопитающих по трем основным признакам.

Во-первых, в обществе людей действует запрет кровосмесительных сексуальных отношений, т.е. запрет инцеста. Кроме того, что такое правило имеет биологическое основание, поскольку способствует снижению числа врожденных генетических патологий у детей, запрет инцеста в человеческом обществе имеет и переносное социальное значение – символическое. Так, это же правило запрета инцеста использовалось правителями Древнего Египта для маркирования своего особого положения. На фараонов данный запрет не распространялся, поскольку они считались не просто людьми, а сошедшими на землю богами. Нарушение запрета инцеста правителем Древнего Египта подчеркивало его особое положение, символическую оппозицию, выраженную по отношению к прочему народу. С другой стороны, христианская церковь усматривает символический инцест в возможных брачных отношениях «крестных» детей и родителей, строго запрещая подобные связи. Эти факты свидетельствуют о дополнительном символическом значении данного социального правила.

Современные антропологи-структуралисты и психоаналитики полагают, что запрет инцеста, так же, как табу на произнесение имени вождя, а также общий запрет на внутригрупповую агрессию способствовали развитию метафорического мышления и культуры в целом у первобытных гоминид (З.Фрейд, К.Г.Юнг, Ц.Тодоров). Этой же цели служили социальное упорядочивание и сакрализация обычных биологических потребностей существования человека: социальная регламентация времени отдыха, принятия пищи, образования брачных пар, устройства жилища и культовых сооружений и т.д. Подобные социальные правила могут быть рассмотрены как «тексты» своеобразного символического языка, характеризующегося структурно упорядоченными означающими и скрытой системной логикой. Неявные смыслы «языка» социальных установлений могут быть выявлены на основе знания семиотических законов,¹ по аналогии с естественным языком (Н.Трубецкой, К.Леви-Строс, Р.Барт, Ж.Бодрийяр, Ж.Лакан, Ю.Кристева, Ж.Делёз, П.Бурдьё и др.).

В первобытном стаде и на ранних этапах первобытного общества основной формой брачных отношений была эндогамия. Практика экзогамии повлекла за собой понятие об эквивалентном обмене. В дальнейшем, при развитии экзогамии, брачный обмен послужил примером и образцом для обмена экономического характера.

¹ Семиотика – наука о знаках.

Вторым отличием сообществ людей и млекопитающих, отмеченных К.Леви-Стросом, выступает специфика естественного языка человека. Знаковые системы животных, как правило, работают по принципу иконического подобия, то есть частичной тождественности означающего и означаемого компонентов знака. Так, рычание хищника (здесь – означающее) может быть знаком его дальнейших намерений, так как рычание является начальным этапом агрессивного поведения (означаемое). Люди же используют для общения язык условного (конвенционального) типа. Так, З.Фрейд афористично уверял, что обезьяна превратилась в человека в тот момент, когда вместо того, чтобы ударить обидчика, выругалась.

В естественном языке людей, как правило, означающее (или форма знака) не имеет никаких общих физических свойств с означаемым, то есть с содержанием, наведенным данным знаковым означающим. Например, слова «стол» и «стул» отличаются только одной фонемой, в то время как реальные стол и стул могут иметь массу физических и функциональных отличий. Понятия «стол» и «стул» выражают различные (прямое и дополнительное) лексические содержания, закрепленные практикой употребления этих понятий в речи (Витгенштейн). Речевая деятельность субъекта, то есть использование им традиционных языковых означающих, служащих для выражения не только социально признанных значений, но также и индивидуально значимых смыслов, представляет собой, таким образом, постоянное неосознаваемое «упражнение» данного субъекта в деле укрепления социального согласия. Использование людьми языка какой-либо социальной группы, таким образом, имплицитно служит групповому сплочению. Аналогично, тысячелетия назад, групповой ритуальный танец вокруг костра способствовал единению первобытного племени.

Третьим фундаментальным отличием сообществ людей и млекопитающих, по К.Леви-Стросу, является трудовая деятельность человека. Для преобразования окружающей среды люди применяют орудия труда, технологические наработки и межличностные трудовые отношения, наследуя и развивая трудовые навыки в ряду поколений. Таким образом, возникает преемственность материальной культуры, отсутствующая у животных.

1.2. Идеалы и символическая способность людей

Люди, в сравнении с животными, обладают представлениями об идеале. Они создают в своей душе воображаемую модель мира, отвечающую их духовным и практическим потребностям. При этом люди не только фантазируют о том, каким мир и человек должны быть, в отличие от того, какие они есть в данный момент времени, но также активно строят этот идеальный мир, изменяя в процессе общественного производства условия своего существования. Животные всего лишь приспосабливаются к окружающей среде обитания.

Идеалы служат также социальной идентификации людей: либо через отождествление с идеальной личностью, либо через отождествление друг с другом. Во втором случае, идентификация разнородных личностей, слово «мы», возникает на основе разделения ими одинаковых идеалов. Механизмы этого процесса, в частности, подробно рассмотрены З.Фрейдом в его работах «Массовая психология и анализ человеческого «Я», «По ту сторону принципа наслаждения» и в других трудах.

Кроме идеалов, которые обеспечивают специфически человеческое проявление социального инстинкта, второй важной предпосылкой появления речи у ископаемых людей явилось интенсивное функционирование обширной по объему коры головного мозга, которое обеспечивает богатый ассоциативный процесс и хорошую память. Благодаря этому стали возможны метафорические и метонимические сдвиги значения при производстве и понимании символических повествований.

Люди, в отличие от обезьян, обладают символической способностью. Для различных социальных и личных целей они используют символы – знаки, обладающие

дополнительным или переносным смыслом. Символы многозначны (полисемичны ¹). Символ – это дискретное, условное обозначение целостного континуального образа; правила употребления символа и его значение (или, что бывает чаще, его значения) закреплены социальным правилом. Символом может быть слово, фразеологический оборот, способ поведения, визуальный знак (эмблема) и т. д.

Эволюционно более древним, по сравнению с речью, является неречевое символическое поведение человека – ритуалы, танцы, обряды, соревнования и др. Также, с символическим поведением связаны попытки первобытного человека по сакрализации действительности, воображаемому ритуальному «снижению» уровня её опасности и непредсказуемости. Выполняя традиционные символические действия, люди с древнейших времен и до сих пор отождествляют себя, через подражательное поведение, с другими членами своего социума. Они «рассказывают» друг другу особым образом о мире, который их окружает, и о своем месте в нём. В ходе антропосоциогенеза, уже после освоения первобытными людьми символических действий ², возникли, как культурный феномен, символические тексты, произносимые первобытными людьми в виде группового монолога на естественном языке.

Обезьян нельзя научить естественному языку человека, во-первых, в связи с тем, что они не испытывают потребности в формировании социальных идеалов. Чтобы обезьяны в ходе дрессировки начали использовать условные знаки по образцу, предложенному зоопсихологом, им нужно давать подкрепление – лакомство, игрушки. Групповая идентификация обезьян недоразвита, и они не испытывают удовольствия от речевого подражательного поведения, которым, по сути, является использование языка конвенционального характера. Во-вторых, у обезьян недостаточно развита кора головного мозга, и они, вследствие этого, не способны освоить языковую полисемию, обычную для текстов, продуцируемых людьми.

Наука использует слово «идеал», религия использует слово «Бог». «Вначале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово», – написано в первых строках библейского «Евангелия от Иоанна», и эти слова можно понимать как метафорически обозначенное необходимое условие появления речи и сознания у древних людей. В исламе также постоянно подчеркивается значение Книги (Корана) для формирования сплоченности верующих. Иудейская же религия просто одухотворяет Тору – главный текст верующих – через ритуальное действие: Тору хоронят в земле после того, как она приходит в негодность для дальнейшего использования. Эти факты метафорически свидетельствуют об исключительном значении употребления социально нормированных текстов в ходе формирования человека.

Дополнительный материал³. [Тексты, генерируемые отдельными субъектами, помимо своего прямого значения, также имеют символический характер. Психологи полагают, что в символическом повествовании, в виде явных (прямых) значений, содержится языковое описание объективных свойств окружающей действительности, познанных на практике, отражаются эмоции говорящего субъекта, формулируются его побуждения к определенным действиям, направленные на окружающих.

В виде скрытых значений, в символическом повествовании могут содержаться также указания на глубинные желания рассказчика, заставляющие его вести повествование здесь и сейчас. Это бессознательные смыслы повествования, которые могут быть распознаны в ходе психоаналитического сеанса. Употребление неосознанных (вторых) смыслов текста говорящим субъектом, наряду с явными значениями и смыслами, служит повышению

¹ Полисемия – в переводе с греческого языка, – многозначность.

² Символические действия – поведение, обладающее, помимо очевидного значения, дополнительным «переносным» смыслом.

³ Здесь и далее дополнительный материал приводится в квадратных скобках.

чувства удовольствия, которое появляется у говорящего по ходу произнесения им речи.¹ Также в сообщении отдельного субъекта можно выявить указания на социальные законы, нормы, правила, производящие явление вытеснения и распознаваемые по языковым тропам: метафоре и метонимии². Психоаналитическая работа способствует вербализации бессознательных установлений. Структурная антропология производит подобные действия не с отдельными личностями, а с социальными группами и целыми этносами (К.Леви-Строс, Ф.Боас, П.Бурдьё и др.).

Бессознательное психическое, этот универсальный неререфлективный регулятор поведения человека, «структурировано как язык» (Ж.Лакан). Здесь имеется в виду структурирование бессознательного подобно упорядоченной системе, в которой соотношения между дифференцируемыми (т.е. различимыми) элементами, задающие неосознаваемые значения и смыслы, важнее формального выражения самих элементов. Таким же образом структурирован естественный язык человека. Системность и структурированность бессознательного является причиной того, что скрытые смыслы повествования субъекта могут быть реконструированы. На этом утверждении базируется действенность психоаналитической терапии («лечения» разговором)].

1.3. Специфика знаковой деятельности человека

Отечественный лингвист Л.В.Щерба разграничивал три класса языковых явлений: 1) речевую деятельность людей, то есть понимание и производство речи; 2) язык, как обобщенную совокупность словарей и грамматик³; 3) сумму текстов, произнесенных и написанных на языке. В человеческом обществе языковое значение имеет социально нормированное содержание. В ходе социальной практики люди осваивают не только конкретные языковые значения, но так же приобретают «житейское» понимание того, что в подобной ситуации может быть вообще сказано, о чем обычно люди ведут речь в аналогичных жизненных ситуациях. Вторая способность позволяет редуцировать порою многозначный контекст до однозначного, определенного содержания.

Функции языка человека, по отношению к выраженному с помощью речи содержанию, у человека сложнее, чем у обезьян. Эти функции называются внутренними функциями языка. По отношению к передаваемой информации можно выделить следующие функции языкового сообщения:

1) назывная (номинативная) – с помощью языка можно назвать единичное явление, предмет или лицо. Маленькие дети остаются на этой стадии, как правило, до 2,5-3 лет.

2) знаковая (сигнификативная). С помощью этой функции обозначается понятие. Для успешного применения сигнификативной функции необходимо усвоить социальное правило, по которому формируется родовое определение (т.е. понятие), совершается отбор отдельных единичных реалий внешнего мира в множество, задаваемое понятием.

¹ Скрытые значения речи, как правило, связаны с декларированием (т.е. переводом в символическую форму) «Воображаемого Эго» говорящего, которое служит для подтверждения отличия собственного образа говорящего от образов других людей. Известно, что отличие – основное значение любой языковой формы, начиная от языковой фонемы и заканчивая целыми текстами. На уровне бессознательной психической защиты, возникающей в ходе производства речи, и зачастую являющейся её скрытой целью, значимыми различиями обладают местоименные оппозиции: Я / ТЫ; МЫ / ОНИ и т.д. Этой же функции служат личные имена. Ошибки мышления, на этой стадии бессознательного производства речи, связаны с неуместным переводом номинативной языковой функции в сигнификативную: то, что служит обычно для обозначения единичного явления, начинает использоваться для обозначения понятия – общего.

² Метафора и метонимия – это языковое проявление смещения и сгущения – основных механизмов функционирования бессознательного.

³ Оппозиция язык/речь также рассматривалась в теории крупнейшего швейцарского лингвиста и семиолога Ф. де Соссюра (1857-1913). Соссюр говорил о языке как об идеальной модели речевой деятельности, Щерба – о языке как совокупности нормативных текстов, содержащих описание кодовых правил речи.

3) манифестативная (самообнаруживающая). С помощью этой функции говорящий индивид, то есть субъект речевого поведения, задаёт в своем высказывании отношения, определяющие его положение в пространстве и времени, относительно содержания текста, им сказанного.

Функции языка человека по отношению к социальной реальности называются внешними функциями языка.¹ Это защитная, коммуникативная, мыслительная, регулятивная, этническая, поэтическая, познавательная, аккумулятивная, контактоустанавливающая и прочие функции языка.²

Естественный язык человека является структурированной знаковой системой. В семиотике, науке о знаках, считается общепринятым следующее определение знака: знак – это некий объект или явление, вызывающий представление о чем-то, отличном от самого объекта или явления. Значение знака, то есть то, о чем знак вызывает представление, не вытекает органически из самого знака, а возникает в зависимости от того, каким способом знак используется в знаковой системе. Знаковые системы, в общем виде, называются языками. «Главная цель языка заключается в том, чтобы возбудить в душе того, кто меня слушает, идею, сходную с моей», – писал философ Г.Лейбниц.

Иногда знак определяют как такой объект (или явление), который отсылает пользователя к какому-либо другому объекту или явлению. По своей структуре знак представляет собой две части: означающее и означаемое (Соссюр). Означающее – это внешняя форма знака, воспринятая пользователем знака, или, по-другому, план выражения знака. Означаемое – идея, возникшая в психике пользователя знака в ходе восприятия им знаковой формы, по другому означаемое называется планом содержания знака. При этом знак, имеющий употребление в человеческом обществе, не обязательно должен быть языковым знаком, он может быть, к примеру, визуальным символом. Одна часть знака, формальная (означающее), может быть, к примеру, словом, символическим рисунком, способом организации пространства, предметом, намеренно употребленным в специальном смысле («бриколаж» в терминологии Клода Леви-Строса), символическим действием, и даже ритуальным ароматом. Другая часть знака, содержательная (означаемое) – это то, что он являет собой пользователям естественного языка (или пользователям данной кодовой системы, «языка»³), идея, стоящая за данной формой.

В языке, как структурированной системе, значения отдельных элементов находятся в связи со значениями других элементов. К примеру, правила сигналов светофора тоже представляют собой своеобразный «язык» (то есть структурированную знаковую систему). В структурированной системе отношения между элементами важнее конкретной формы отдельных элементов, и, при отсутствии одного из элементов, значение других можно вычислить, зная кодовые правила данного языка. Если, к примеру, один какой-нибудь светофор на перекрестке не показывает сигнала, поскольку перегорела лампочка, то значение его отсутствующего, но подразумеваемого сигнала можно вычислить по оставшимся сигналам другого (альтернативного) светофора, регулирующего перпендикулярное направление движения.

Иногда знак определяют как посредник в процессе коммуникации или трансляции⁴ между двумя материальными системами, при этом знак выступает аналогом другого объекта (предмета, свойства, явления, понятия, действия), замещающий его (Степанов).

Главные функции знака в человеческом обществе следующие:

¹ См.: Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект пресс, 1996. Гл. 1.

² См. также: Антропология. Учебно-методическое пособие. Для студентов специальностей «Социология» и «Социальная работа». Сост. Э.Д.Владимирова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999, 2003, с. 97—100.

³ Семиотик Р.Барт, например, различает следующие «языковые» системы, имеющие хождение в человеческом обществе: естественный язык, архитектурный код, кулинарный, язык танца, моды, и т.д.

⁴ Коммуникация – общение, трансляция – передача информации).

- 1) общение индивидов и социальных групп (коммуникация);
- 2) фиксация и оценка информации;
- 3) сопровождение деятельности по совместному достижению какой-нибудь цели;
- 4) функция психической защиты;

Готтлоб Фреге (1848 – 1925), немецкий логик и семиотик, зачинатель семантических исследований, предложил следующую структуру знака, получившую название «треугольника Фреге» (рис. 1).

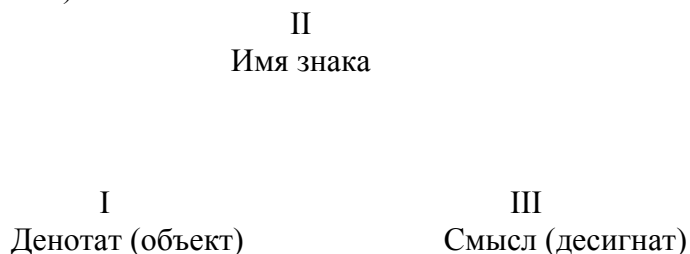

Рис. 1. Треугольник Г. Фреге, показывающий структуру знака. На рисунке обозначено: I – предмет, объект или событие, заместителем которого выступает знак, называется также *денотатом* знака; II – *имя* знака, которое иногда называют просто знаком; III – смысл, информация, которую сообщает знак; представление, которое возникает у пользователя знака при воздействии знака на него. Иначе – значение (содержание знака), или понятие пользователя о знаке, называется также это значение *десигнатом* знака.

По Ф. де Соссюру, формальная сторона знака называется означающим компонентом знака, а содержательная сторона знака – его означаемым компонентом. Знак представляет собой «движение» от означающего к означаемому, совершаемое в психике субъекта. Чаще всего, это движение соответствует одному «шагу» ассоциативного процесса. Знак «связывает» внешний мир с психикой индивида, являющегося пользователем знака. Обе стороны знака психичны. Означающее знака не есть физическая характеристика знака; означающее – это психическое представление о внешней стороне знака. Означаемое – это другое психическое представление, рожденное первым представлением. Знаковым можно назвать объект, «преломленный» психикой человека, состоящий в отношении обозначения к другим представлениям из воображаемого или реального мира. Это отношение может возникать различными способами.

Один и тот же знак может рождать различные значения в зависимости от того, в какую знаковую систему он включен. Знак как таковой, как дискретная единица, не несёт законченной информации. Только вся система в целом служит для передачи информации. «Значение в самом общем виде определяется как частичная предсказуемость явления» – пишет отечественный лингвист и семиотик, академик Ю.С.Степанов.¹ Подобная предсказуемость возможна или из анализа структуры знака (для индексальных и иконических знаков), или из совместного социального опыта, для знаков символических.

Самая простейшая форма возникновения значения знака – указание на денотат. Такое значение называется наименованием знака, или его именем. Это значение отражено в треугольнике Фреге. Имя не равно объекту. Имя указывает на объект, если мы об этом «договорились». Значение не исчерпывается именем (если в чем-нибудь представлении значение исчерпывается названием, то говорят о фетишизме). Имя денотата называется экстенциональным (предметным) значением знака. Смысл денотата – это интенциональное (смысловое) значение знака, например, информация о типологических, топологических и

¹ Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Академический проект, 2001.

других свойствах именуемого объекта. Значение никогда не возникает само по себе, а всегда является отсылкой к другому значению. Значение бывает, помимо предметного и смыслового, ещё и экспрессивным, то есть связанным с выражением чувств, эмоций, настроений.

Пользоваться языковыми знаками ребенок начинает в ходе бытовых диалогов со взрослыми, носителями языка. В онтогенезе ребенка можно проследить следующие этапы усложнения значений, возникающих в психике в процессе восприятия знака:

- 1) Значение, как указание на денотат: «Вот». Понимая смысл знака, ребенок не владеет способом произнести означаемое. Имен ещё нет. Этой стадии онтогенеза можно метафорически поставить в соответствие «детство человечества»: «Мир был так нов, что вещи ещё не имели имен, и на них приходилось показывать пальцем», - писал колумбийский прозаик Габриэль Маркес в своем романе-мифе «Сто лет одиночества».
- 2) Имя «жестко», то есть однозначно, связано с каким-либо объектом. По мнению ребенка, объект данного класса может иметь только одно имя, с другой стороны, одно и то же имя не может относиться к объектам разных классов. Сами принципы классификации тоже ещё не доступны, имя знака принадлежит не классу явлений, а конкретному единичному явлению. Поясним данное положение примером. «Это не колосок, это травка», – говорит девочка двух с половиной лет, держа в руке стебелек травянистого злака пырея и отвечая на вопрос взрослого о том, где она сорвала этот колосок. Другой пример. Отвечая на вопрос, есть ли у тебя брат, двухлетний малыш заявляет: да, есть; у меня есть брат Сергей. – А у Сергея есть брат? – Нет, у Сергея брата нет.
- 3) Более сложное значение образуется по принципу обращения к образу, хранящемуся в памяти, возникающему по принципу «так уже было». Это способ называется параллелизмом. «Тот, кто в прошлый раз...» или «То, что в прошлый раз...»
- 4) Простейшее значение образовывается по принципу: часть (знак) равна целому (обозначаемый этим знаком объект). Этот принцип называется синекдой, это разновидность метонимии. Например, цилиндр, тросточка и ботинки, расположенные особым образом на рисунке, вызывают представление о Чарли Чаплине.
- 5) Сложное значение возникает на основе обобщения, то есть моделирования образа на основе выделения главных и второстепенных с точки зрения смысла передаваемого сообщения деталей. Такой способ возникновения значения называется метафорой. Для обобщения необходима совместная деятельность (или договоренность) людей, которые производят одинаковые обобщения. В случае возникновения значения по типу метафоры, вызываемое знаком представление имеет общие черты с денотатом.
- 6) Знак может не иметь предметного аналога, выражая абстрактное понятие, имеющее хождение в социуме, например, «единорог». Образ единорога формируется по аналогии с другими знаками.
- 7) Дополнительные значения знака возникают посредством ассоциаций. Такие значения называются коннотативными значениями. Например, текст рекламы «Мы всегда думаем о Вас», вызывает представление о домашней технике «Сименс». Многократно повторенные события, следующие одно за другим, порождают устойчивые связи между ними.
- 8) Продолжительные коннотации отсылают не к объекту, а к другим объектам, связанным с первым. Например, понятие «красные» – название политического движения большевиков. Коннотации могут быть а) общечеловеческими; б) групповыми, профессиональными; в) индивидуальными.

1.4. Эволюционные этапы формирования языкового значения

Классификации, отражающей процесс онтогенеза языковых значений, может быть поставлена в соответствие классификация структур и значений знаков, соответствующая филогенетическим (то есть эволюционным) процессам (табл. 1).

Продуцируют и распознают знаки не только люди, но и животные. Рассмотрим некоторые закономерности формирования значения и смысла в коммуникативных системах человека и животных. Они различаются (табл. 2). У человека языковое значение, закодированное в сообщении и являющееся социальным продуктом, может не совпадать с индивидуально значимым смыслом сообщения (Л.С. Выготский). В общем случае, в знаковых системах млекопитающих означающее кодирует значение, смысл которого – соответствие или не соответствие происходящего текущей доминирующей мотивации млекопитающего. Значения, не обладающие актуальным индивидуальным содержанием, то есть значения, не имеющие биологического смысла, животными не различаются. Значение в языке человека – это социальная абстракция, сформировавшаяся в актах коммуникации между людьми; обобщение, образовавшееся в результате ассоциации абстрактного образа речевого знака с образами мира (Г.П. Мельников)¹.

Говоря словами Б. Пастернака, значение – это «образ мира, в слове явленный». Смыслы, распознаваемые человеком в языковом сообщении, представляют собой актуальные для него образы мира, хранящиеся в памяти и возбуждаемые речевыми знаками или неязыковленными мыслительными единицами (по Г.П. Мельникову). Смыслы, в отличие от значений, индивидуальны; они вступают с социально нормированными языковыми значениями в ассоциации по сходству и смежности.

В настоящее время принято считать, что у ископаемого человека в ходе эволюции не возникло специальных органов речи. Крупнейший отечественный антрополог В.В.Бунак пишет в связи с этим: «Наиболее существенными этапами преобразования звукового аппарата животных в человеческие органы речи следует считать загиб корня языка в гортанную полость, усиление голосовых связок, разрастание внутренних краев черпаловидных хрящей и ряд других преобразований, приведший к более четкой дифференциации издаваемых звуков, разделению выдыхаемого воздуха на верхнюю, или носовую, струю и нижнюю, или ротовую. Увеличение подвижности языка открывало возможность разнообразных изгибов его тела и образования преград выдыхаемому воздуху, то есть дифференциации гортанных, небных, губных и других звуков. Существенное значение в развитии речевой способности имело уменьшение размеров нижней челюсти и её мускулов: при быстрой смене артикуляции массивная нижняя челюсть и мускулатура создавали бы большую инерцию в работе речевого аппарата, основанной, как известно, именно на быстрой смене артикуляции.

Надо полагать, архантропы, вследствие массивности челюстей, могли произносить только небольшое число различных выкриков. Дальнейший ход развития состоял в продолжающейся редукции нижнечелюстного аппарата, а также в дальнейшем утоньшении голосовых органов, выделении особого голосового мускула и появлении многих новых структурных особенностей. На одном из последних этапов развития речевой и мыслительной функций происходило усиленное разрастание прецентральной, нижнелобной, верхневисочной и верхнелобной извилин головного мозга, а затем и цитоархитектонических полей, координирующих различные возбуждения и связывающих их с возбуждениями голосовых органов.

Значение звукодвигательных возбуждений определенных участков коры и голосовых звуков как символов различных актов умственной деятельности вскрыто работами И.П.Павлова и его школы. Сравнительное изучение эндокранов ископаемых гоминид указывает на сравнительно малое развитие цитоархитектонических полей, связанных с

¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Радио, 1975.

речевыми функциями. У ископаемых, относимых к группе палеоантропов, эндокраны несут явные отличия от современных. Именно на этой стадии начался переход от лепета и зачаточных понятий к более дифференцированным, а впоследствии и связанным понятиям.

Простейшие формы связи – соединение в одном предложении субъекта и предиката (действующего лица или предмета и его действия). Современному человеку такая связь кажется само собой разумеющейся, однако сравнительное языкознание указывает, что начальная форма речи заключала в одном неразрывном предложении и субъект и его действия.

Таблица 1. Структура знаков по Ч.С.Пирсу

Отношения между означающим и означаемым компонентами знака	Каким образом возникает значение знака данного вида
1. Знак-индекс:	
<p>Оба компонента знака (означаемое и означающее) реально, действительно, фактически смежны: соположены в пространстве или следовали во времени, в индивидуальной судьбе какого-либо пользователя знака. Функционально означающее и означаемое (форма и содержание) могут быть взаимно преобразованы, поскольку зачастую они равнозначны, но могут соотноситься как причина и следствие. Примеры: указующий жест и объект, на который он указывает; звонок и мясной порошок в опытах по выработке условного рефлекса слюноотделения у собак; молния и гром; «секиры острие и усеченный волос»</p>	<p>Ассоциативно. На основе условного рефлекса или на основе воспоминания особи об образе ситуации, в которой восприятие одной формы предшествовало реальному восприятию другой формы или наводило на мысленное представление о другой форме. Индексы эволюционно появились ранее икон и символов, они имеются в психической деятельности всех животных, обладающих психикой, а также у людей. После формирования навыка иконические и символические знаки также могут быть классифицированы как индексальные знаки (дрессировка, вторая сигнальная система, языковое программирование)</p>
2. Знак-икона:	
<p>Между означающим и означаемым наблюдается «действительное, фактическое сходство», которое «находит свой логически предсказуемый коррелят в предписанном сходстве». Примеры: схематический рисунок и фотография; план или карта и образ реально существующей местности; прямой порядок глаголов в высказывании и реальная последовательность происшедших событий; аромат цветов и духи; напетая мелодия и её оркестровое исполнение; отдельные элементы эмблемы, герба, криптограммы</p>	<p>Аналитически. Структурные признаки означающего наводят на представление о структурных признаках означаемого. Обобщение структур означающего и означаемого может происходить спонтанно, без предварительного усвоения социальных правил, регулирующих данную генерализацию, т.к. функциональное отождествление разнородных явлений происходит в соответствии с закономерностями восприятия. Имеются в знаковой деятельности животных, способных к элементарным обобщениям, а также у людей</p>
3. Знак-символ:	
<p>Знак-символ образует отношение между означающим и означаемым на основе предписанной, конвенциональной, условной смежности. Смежность компонентов знака навязана, предписана</p>	<p>Ассоциативно и аналитически. Значение символа условно, но его «расшифровка» отсылает к ситуации в прошлом, когда пользователь знака испытывал эмоциональный комфорт при</p>

языковой системой. Примеры: число и его значение; слово и идея, которую оно обозначает	использовании данной означающей формы в соответствии с предложенным ему социальным правилом. Символы используются только при общении людей
--	--

Таблица 2. Некоторые свойства знаковых систем млекопитающих и человека.
Сравнительный анализ

Свойство знаковой системы	Коммуникации млекопитающих в естественной среде обитания	Естественный язык человека
Репертуар означающих, используемых при очной передаче информации	Ограниченный. Закрытая знаковая система	Не ограниченный. Знаковая система открытого типа
Канал передачи информации	Зрительный, ольфакторный, тактильный, вокально-слуховой. Преимущественно образный характер синхронных означающих	Вокально-слуховой, для которого свойственны: рассеянная передача, направленный приём, быстрое затухание, линейный по временной протяженности характер означающих
Характер контекстных ограничений сообщения	Все контексты сообщений биологически значимы (биологически релевантны)	Нет ограничений для используемых контекстов, кроме социальной цензуры
Каким образом возникает значимость той или иной коммуникативной единицы в контексте сообщения	Инстинктивно, на основе релизеров, обладающих различительными признаками, или в результате ассоциативных отношений, установленных, в основном, по топографическому признаку, то есть по пространственному соположению событий и явлений	Протяженная во времени знаковая единица обретает значимость в меру своего противопоставления другим знаковым единицам. Также, вне процесса речи, слова и выражения образуют типологические множества, базирующиеся на обобщении как социальном правиле
На чем базируется ассоциативное языковое отношение	Преимущественно на воспоминании особи о своих действиях по реализации подобной мотивации в прошлом. Повторение или избежание	Преимущественно на соотнесении означающих текста, описывающего данную ситуацию, с языком в целом как общественным продуктом

	ранее усвоенных форм поведения	
--	--------------------------------	--

Возникновение синтагмов (связи между элементами мысли) следует определить как один из кардинальных этапов в эволюции речи.

Следует полагать, что люди верхнего палеолита уже овладели синтагматической формой речи. Связь нескольких синтагмов, образование суждений, дифференциация частей речи и её грамматических элементов получила развитие в конце палеолита или в последующие периоды».¹

Дополнительная литература по теме:

1. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1962.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Изд. центр «Академия», 2004.
4. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Трикста, 2006.
5. Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996.

Тема 2.

Обучение обезьян языку человека

2.1. Рассудочная деятельность, социальное и коммуникативное поведение обезьян

Общее представление об интеллекте антропоидных обезьян дают результаты лабораторных опытов, проведенных с этими животными американскими зоопсихологами. В классических опытах по выработке научения у обезьян применяется так называемая «висконсинская установка», которая представляет собой клетку с окошком. Это устройство для взаимодействия зоопсихолога с подопытными обезьянами получило свое название по названию штата Висконсин (США), в котором находилась лаборатория по изучению поведения животных. Опыты заключались в изучении способности приматов различать предложенные стимулы. Выработка умения различать предметы по их абстрактным признакам, или, говоря по-другому, выработка дифференцировок, дает представление об «уровне элементарной рассудочной деятельности» данной группы животных.

При выработках дифференцировок приматам предъявляют два или несколько стимулов. Выбор положительного стимула (т.е. «правильного» с точки зрения экспериментатора) подкрепляется. В качестве подкрепления обезьянам даются лакомства или им предоставляется возможность манипулировать с какими-либо занимательными объектами, поскольку обезьяны очень любопытны.

Схема опыта проста: животным предлагают две или несколько чашек, накрытых крышками. В одной из чашек находится лакомый корм или новый (интересный для обезьян) предмет, например, игрушка. На крышках чашек изображаются специальные знаки – стимулы, например, треугольник и квадрат. Экспериментатор решает, что, к примеру, положительным стимулом будет квадрат. Выбор обезьяной чашки с нарисованным квадратом на крышке будет подкрепляться: именно в чашку с этим рисунком кладут корм.

¹ Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. С. 126-129.

Для достижения быстреего результата опыты проводят с мотивированным животным, в данном случае – голодным.

Чтобы получить максимальное число подкреплений, животное должно выбирать всегда положительный стимул. Под «интеллектуальным» (рассудочным) понимается такое поведение обезьян, в результате которого животное получает подкрепление. Опыт может быть усложнен чередованием положительных стимулов, отсрочкой подкрепления, подкреплением не всех подряд, а только *N*-ной правильной реакции и т. д. Некоторые обезьяны способны научиться, наблюдая за обучением других особей. Эта модификация поведения называется латентным обучением.

У приматов уровень коммуникаций повышается с усложнением их мозга. Исключение составляют гиббоны, а также ведущие семейное существование орангутанги, самцы которых вне периода размножения живут по одному. Больше всего между собой общаются гориллы и шимпанзе. Каждая особь постоянно реагирует на жесты, крики и движения других животных. При этом обезьяны активно подражают друг другу, что способствует быстрой передаче приобретенных навыков от одной особи к другой, например, так происходит передача навыка мытья корнеплодов. В естественных условиях открытая агрессия редка, поддержание иерархии в стаде или группе достигается, в основном, демонстрацией подчинения. Дружественные контакты имеют различную форму, в том числе, ритуализированные дружественные действия обезьян заключаются во взаимной чистке шерсти и носят название «груминг».

Часто агрессивное поведение у шимпанзе возникает не как проявление доминирования, а представляет собой проявление страха. Так, группе шимпанзе предъявляли сородича, парализованного вследствие полиомиелита (взятого из зоопарка), а также наркотизированных шимпанзе. Сначала животные, при виде необычных чужаков, проявляли беспокойство, а затем начинали кусать сородичей, которые вели себя нестереотипно. У людей, как и у обезьян, очень часто агрессия тоже бывает формой проявления испуга.

Представление о том, что иерархические отношения, существующие у людей, берут начало в поведении обезьян, неверны. Во-первых, ближе всего к человеку из обезьян стоят шимпанзе, у которых иерархические отношения выражены вообще слабее, чем у других приматов. Во-вторых, такие взгляды получили распространение потому, что раньше поведение приматов изучали в условиях неволи, где отношения доминирования-подчинения особенно заостряются из-за ограниченности ресурсов и территории. Если ресурсы и условия внешней среды не ограничены, то даже группы обезьян-обладателей «гаремов» (к ним, к примеру, относятся некоторые виды павианов) в процессе питания не проявляют никаких признаков враждебности. Самки из чужих гаремов павианы-гамадрилы одной стаи никогда не переманивают и не крадут. Молодые гамадрилы формируют гаремы из своих ровесниц, а те особи, которым не удалось этого сделать, создают свои «самцовые» стаи из особей одного возраста.

Иерархия, имеющая место у приматов, служит сплоченности группы. Как правило, доминантом является либо наиболее сильный самец, либо самец, обладающий крепкой нервной системой. При передвижении павианов, например, доминанты находятся возле самок с детенышами, то есть в центре стада. В случае опасности стадо перестраивается, и первыми отражают нападение хищников особи-доминанты. Ориентация в сторону доминанта и подражание его поведению, помимо прямой практической пользы, служит прочим особям стаи для успокоения, то есть для снижения стресса. Иерархическая структура стада уменьшает число возможных драк, так как животные держатся подальше от тех сородичей, которые с большой вероятностью победят их в стычке. По мере старения доминантов, «подчиненные» особи занимают более высокое положение.

Интересно, что в человеческих культурах, развивавшихся в условиях высокой плотности населения (индусы, китайцы), существуют сложные церемонии, которые можно истолковать как ритуализированное доминирование-подчинение. Такие ритуалы, как, к примеру, многоэтапная китайская церемония пожелания «доброго утра», служат снижению агрессивности и оказываются действенным средством даже при высокой скученности. У людей, как и у приматов, агрессия может быть реакцией на фрустрацию¹.

Некоторые отдельные особи приматов обнаруживают очень высокие способности к обучению в зоопсихологической лаборатории или на воле; есть среди них и «глупые» особи. У млекопитающих других систематических групп, к примеру, у беличьих, мышевидных, мозолоногих и других, способность к обучению является скорее видовым качеством, чем индивидуальным свойством, и зависит, в основном, от их природного образа жизни. Например, засадные хищники учатся решать задачи на предвидение (экстраполяцию) направления движения живого существа лучше своих жертв – копытных животных, поскольку для выживания в природе им приходится решать такие задачи постоянно.

Таким образом, млекопитающие отряда приматов обладают элементарной рассудочной деятельностью.

2.2. Обучение обезьян языкам-посредникам

Под языками-посредниками понимают структурированные коммуникативные системы людей, которые повторяют основные принципы устройства естественного языка. Так, например, с помощью языка «амслен» общаются американские англоязычные глухонемые. К этой же группе языков можно отнести язык жестов, компьютерный язык «йеркиш» и т.д.

В лабораторных условиях шимпанзе и горилл удалось в некоторой мере научить искусственным языкам, похожим на естественный язык человека. Опыты, в основном, проводили американские зоопсихологи и приматологи. Так, супруги Кэллоги, в 1933 г., учили звуковому человеческому языку детеныша шимпанзе, воспитывая его вместе со своим мальчиком. В 16 мес. шимпанзе понимала смысл 90 слов, но сказать ничего не могла.

Другие приматологии, супруги Хейс (1951 г.), воспитывали самку шимпанзе по имени Вики, но уже одну. Вики произносила три английских слова – «мазэ», «фазэ» и «кан». «Речь» шимпанзе Вики была неразборчивой на слух, что не удивительно, так как голосовой аппарат животных рода шимпанзе не предназначен для произнесения подобных звуков. Позже шимпанзе начали учить языку жестов глухонемых, а также языку, в котором использовались пластмассовые символы вместо слов. Обучали обезьян и языку, символы которого были изображены на клавиатуре компьютера.

Результаты обучения таковы. Обезьяна исследователей по фамилии Гарднеры подражала языку жестов: к пяти годам она «знала» около 60 слов и могла составлять фразы типа «иди сюда», «дай яблоко», манипулируя особым, специальным, образом своими передними конечностями. Позже Гарднеры поступили иначе: они водили при обучении другую самку шимпанзе за руки сами, поэтому обучение специальным языковым жестам шло быстрее. Их подопечная шимпанзе к семи годам «знала» 400 слов. Ребенок этого возраста распознает значение 2000-4000 слов. Тем не менее, дальше уровня двухлетнего ребенка обучение обезьян речи человека не продвинулось. Творческого потенциала в освоении синтаксиса человеческого языка шимпанзе не имеют. Ситуативно, обезьяны порой могли подставить в предложение одно слово вместо другого, как это делают двухлетние

¹ Фрустрационной называют ситуацию, при которой человек или животное не получают чего-либо, на что они «рассчитывали» и что им обычно предоставляется. Это могут быть не только недополученные материальные ресурсы, но и неполученное «уважение». В случае фрустрации «срабатывают» защитные механизмы психики, одним из которых является агрессивность.

дети. Свою собственную синтаксическую конструкцию они создать не могли, а это уже дается без труда трехлетнему ребенку.

Искусственный язык, который осваивали обезьяны, и естественный язык человека существенно различаются. В человеческом языке говорящий субъект обнаруживает себя в речи (манифестирует себя с помощью местоимений). Кроме того, называемые им люди, предметы и события классифицируются (обобщаются) способом, принятым в данном обществе. Синтаксис человеческого языка указывает на логические отношения, в которые вступают говорящий субъект и объекты или субъекты, упомянутые им в речи. Животным недоступны социально нормированные умственные (ментальные) операции, без которых структура человеческого языка существовать не может. Кора головного мозга у обезьян недоразвитая, по сравнению с гомологичным органом людей, поэтому, даже при положительном подкреплении, заменяющем обезьянам отсутствующие у них идеалы, они не в состоянии освоить человеческий язык в полной мере.

Еще одним существенным отличием языка человека и «языка» специально обученных шимпанзе, является многозначность (полисемия) человеческого языка и однозначность языка шимпанзе. Человек совершает выбор значения многозначных слов из контекста, животные к таким действиям не способны. «Контекст» сигнального общения животных полностью подчинен их биологическим потребностям, наиболее актуальным в тот или иной период. В отличие от людей, животные способны «говорить» только о своих биологических потребностях.

При коммуникации человека значение сообщения возникает следующим образом:

1) Коммуниканты обладают сопоставимым опытом активности в мире и относительно идентичными способами его категоризации.

1) Участники коммуникативного акта приписывают материальным явлениям то или иное значение, после чего удерживают его в памяти.

2) При последующих актах коммуникации, когда возникает необходимость выразить то же самое содержание, коммуниканты воспроизводят связь формы и содержания, анализируя тождественность этого повтора.

2.3. Сходство и различие языка человека и знаковых систем обезьян

В природе обезьяны часто используют специальные голосовые сигналы для обозначения той или иной важной для них ситуации.

Перечислим признаки формального и функционального несовершенства сообщения, формируемого обезьянами при использовании языка человека (языков-посредников).

1. Нет контроля за порождаемой речью, то есть отсутствует метаязыковая рефлексия.
2. Отсутствует диалоговая ситуация. Собеседник, как второй субъект диалога, не принимается во внимание.
3. Количество правил кодирования информации и количество языковых единиц ограничено.
4. Сообщение субъективно, объективные закономерности внешнего мира не сообщаются: язык служит для сообщения об эмоциях и мотивациях адресанта.
5. Нет знакового поведения, не происходит интериоризация знаков, то есть превращение их в регуляторы поведения, команды для самоуправления, как это наблюдается в знаковой деятельности человека.
6. Отсутствует логический синтаксис, нет общих и отождествляющих суждений.
7. Со временем, после начала обучения, число ранее освоенных обезьянами языковых форм произвольно уменьшается.
8. Нет многозначности слов и выражений, понятных только из контекста; нет многозначности слов и выражений.
9. Отсутствует значащая интонация.

10. Не используются абстрактные понятия.

Положительные стороны научения обезьян искусственному языку, функционирующему по образцу естественного языка человека, следующие.

1. Возможна коммуникация приматов на основе условных символов. На смену 15-20 звуковым сигналам, используемым обезьянами этого вида в природе, дрессировщиками были введены в «общение» до 500 (и более) устойчивых языковых форм, ассоциированных экспериментальными животными с определенными значениями.
2. Шимпанзе и гориллы способны использовать язык, которому их научили экспериментаторы, без какого-либо вознаграждения.
3. Свое умение пользоваться искусственным языком самки самостоятельно передавали детенышам.
4. Биологически релевантные характеристики явления были ассоциированы обезьянами с устойчивыми языковыми формами. Формы, служащие обезьянам означающими языка-посредника, в качестве объектов экстралингвистической действительности ими не использовались. Язык как условность отличался от внеязыковой действительности. (Так, экспериментаторы предложили обезьяне, в качестве слова «холодильник», использовать ранее известные ей слова «ящик» и «холод». Обезьяна же упорно использовала для этих целей придуманную ею самой связку «открой-пища-питье»).
5. Оказалось возможным оперирование знаками без рецепторного контакта с явлениями внешнего мира, о которых шла «речь» в сообщениях обезьян.
6. Язык-посредник может быть охарактеризован свойством иерархичности: слова, используемые дрессированными обезьянами, складываются в предложения, которые тоже оказалось возможным кодировать как целостные единицы более высокого уровня.
7. Возможно появление элементов синтаксиса имитирующего характера (обезьянами распознаются элементы изобразительности).

В качестве заключения можно сказать, что при языковом общении людей незримо присутствует все общество: негативно в виде цензуры и позитивно – в построении сугубо человеческих смыслов. Животные «говорят» только о своих потребностях. Их языковые «значения» неотделимы от биологических потребностей и переживаемой в данный конкретный момент реальности.

Дополнительная литература по теме:

1. Зорина З.А., Полетаева И.И. Элементарное мышление животных. М.: Аспект-Пресс, 2002. Глава 6.
2. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. Пер. с англ. Е.П. Крюковой. Под ред. Е.Н. Панова. М.: Мир, 1981.
3. Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М.: КМК Scientific Press. 2005.
4. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004.

Тема 3.

Инстинктивное поведение животных и человека

3.1. Двойственная «природа» и специфика человека, в отличие от животных

Философы Древней Греции полагали, что «душевная жизнь животных» похожа на «душевную жизнь» людей. При этом, с точки зрения Аристотеля, у животных имеется только «чувственная» душа, а у человека – и «чувственная», и «разумная». Древнегреческие философы-стоики считали, что животные, руководствуясь в своей жизни

ощущениями, представлениями и стремлениями, действуют не осмысленно (как люди), а в соответствии со своей «внутренней» природой. Противопоставление «культурного» и «натуралистического» (т.е. внутреннего) базиса в жизни человека появилось в науке в связи с развитием экспериментальных методов психологии, которая достигла успехов в изучении психики животных. Некоторые ученые (Фогт, Бюхнер, Геккель) полагали, что между психикой человека и психикой животных нет качественных отличий, а имеются только количественные. Сторонники этой идеи «отдавали» человеку, в качестве специфического качества, отсутствующего у животных, только способность к произвольному вниманию и сознательному отчету, касающемуся деятельности своей души, то есть способность к рефлексии. В свою очередь, по мнению сторонников количественной оценки психики, животное лучше человека реагирует на стимулы (события) внешней среды¹.

Рассуждения подобного рода сохранились вплоть до конца XX века, когда, в борьбе с «фрейдизмом», недалёкие псевдоученые утверждали, что по-Фрейду, якобы, внутренние («натуралистические») стремления людей идут в разрез с требованиями культуры, поэтому душевные конфликты и неврозы неизбежны. На самом деле², З.Фрейд утверждал, что основной мотивацией говорящего субъекта является поиск признания своих желаний со стороны той части социума, на языке которой этот субъект их излагает.

Люди и социализированные млекопитающие, например, обезьяны, обладают целым рядом существенных отличительных признаков. Человек, выросший в социуме, имеет разум, волю, самосознание, пользуется речью и орудиями труда, обладает этическими представлениями (понимание того, что такое хорошо и что такое плохо) и чувством прекрасного. Итак, кроме выше перечисленных отличий, к специфическим свойствам людей, отсутствующим у животных, относятся: а) представления об идеале; б) способность к моделированию собственного образа; в) символическая способность; г) использование языка конвенционального характера; д) культурное наследование наработок предыдущих поколений; е) соблюдение социальных законов, и, прежде всего, запрета кровосмесительных (инцестуозных) половых отношений. Все эти черты характерны для людей, живущих в любом человеческом обществе, на какой бы стадии общественного развития оно не находилось. Этих особенностей нет ни у одного вида животных.

Люди, в отличие от животных, обладают способностью моделировать собственный образ, то есть воображать себя. Известно, что ребенок начинает говорить о себе «Я» не с начала освоения им речевой функции, а несколько позже. Несмотря на то, что собственный образ мыслится носителем «Эго» как уникальная сущность, а в речи местоимение «Я» противопоставляется другим личным местоимениям, по своему онтогенетическому происхождению «Я» представляет собой ряд социальных заимствований. Эти заимствования носят защитный характер, возникают в результате подражательного поведения и служат снижению стрессового воздействия социальной среды в связи с необходимостью подчиняться социальным правилам. «Воображаемое Я» представляет собой совокупность социальных отождествлений, ассоциированную с собственным зрительным образом. «Я» состоит из сознательной и бессознательной частей. Сознательная часть «Я» – это такие отождествления, в которых люди отдают себе отчет. Персонажи этих отождествлений признаются достойными для подражания. Бессознательная часть «Я» состоит из отождествлений с другими людьми, в которых человек не дает себе отчета, поскольку часть души, называемая «Супер-Я», не допускает подобных осознаний.

3.2. Теория инстинктивного поведения

¹ По материалам учебного сайта http://www.msochi.narod.ru/005/005_004.html

² Такую оценку научному творчеству и психотерапевтической практической деятельности Зигмунда Фрейда дал французский психоаналитик структурно-лингвистического направления Жак Лакан.

В начале XX века отечественный зоопсихолог Е.Елачич дал следующее определение инстинкта: «Инстинктом называется врожденная большинству животных психическая способность, дающая им возможность, в обычных для них условиях жизни, пользоваться присущей им телесною организацией для достижения максимума пользы в интересах особи и вида с затратою минимума энергии. Инстинктивная способность дает животным возможность действовать целесообразно, точно и совершенно и при том без понимания цели, опыта и обучения».¹

Врожденное поведение характерно как для беспозвоночных, рыб, амфибий, рептилий, птиц, так и для млекопитающих, включая человека. Например, у обезьян есть врожденный страх перед змеями. Новорожденный ребенок инстинктивно поворачивается в ту сторону, с которой ощущает прикосновение к своей щеке. Младенец удерживает взгляд на человеческом лице или его изображении дольше, чем на остальных предметах. В отличие от рефлексов, инстинкты функционируют не в зависимости от силы и природы раздражителя, а в связи с общим смыслом происходящего, то есть в зависимости от смыслового контекста и доминирующей мотивации.

В обыденной жизни широко используются такие выражения, как «инстинкт самосохранения», «инстинкт продолжения рода». Современные исследователи под «инстинктами» понимают поведенческие реакции, а не психические способности животных и человека.

В настоящее время принято использовать для обозначения инстинкта следующие понятия: «видоспецифическое», «стереотипическое», «врожденное», «генетически запрограммированное» поведение, «комплекс фиксированных действий». Приведенные термины обладают большей информационной емкостью, чем термин «инстинкт», которым мы будем пользоваться для простоты. «Инстинкт (от лат. слова *инстинктуус*, что значит побуждение) – это эволюционно выработанная врожденная приспособительная форма поведения, свойственная данному виду животных, представляющая собой совокупность унаследованных сложных реакций, возникающих в ответ на внешние и внутренние раздражения», - даёт определение инстинкту отечественный биолог Н.Ф.Реймерс.²

Имея в виду инстинкты человека, часто употребляют образное выражение «видовая память». В человеческом обществе выделяют два типа «видовой памяти» – память, передаваемую по наследству (генетическую), и негенетическую. Инстинкт представляет собой «видовую память», передаваемую из поколения в поколение по наследству. «Негенетическая память» человеческого коллектива – его культура (Ю.М. Лотман).³

Инстинктивное поведение человека и животных имеет ряд характерных особенностей. Перечислим их:

1) Инстинктивное поведение животных или человека высоко адаптивно и не требует предварительного научения.

2) Инстинктивное поведение видотипично, то есть проявляется относительно одинаково у всех животных данного вида при идентичных внешних и внутренних условиях. Порядок и сила мышечных сокращений, осуществляемых при выполнении инстинктивных движений, совпадают до малейших подробностей у всех животных данного вида. Инстинктивные поведенческие реакции животных настолько неизменны и характерны для каждого вида, что могут служить для уточнения систематического положения того или иного животного (т.е. могут служить таксономическим признаком). Так, основатель этологии Конрад Лоренц указывает, например, что семейство голубей можно определить как семейство птиц, производящих характерные «сосущие» движения во время питья.

¹ Елачич Е. Инстинкт. СПб.: изд-во тип. Сойкина, 1913. С. 20.

² Реймерс Н.Ф. Основные биологические понятия и термины. М.: Просвещение, 1988. С. 126.

³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 4-9.

Вариабельность (изменяемость) инстинктов значительно меньше вариабельности морфологических структур организмов.

Инстинктивным является поведение млекопитающих при протекании процесса родов. Самки млекопитающих инстинктивно находят самую удобную позу для родов; женщина должна быть раскованной, чтобы сделать то же самое. К сожалению, «культурные» соображения (традиции общества, мода и удобство врачебного ухода) ограничивают врожденные адаптивные программы поведения роженицы рамками, диктуют будущей матери позы и движения во время родов. В последние годы прогрессивные врачи считают, что инстинктивная поза, принимаемая роженицей безотчетно, наиболее благоприятна для протекания процесса родов и уменьшает необходимость вмешательства врачей (Тобиас, Стюарт).¹

3) Инстинктивные движения запрограммированы в генах и формируются в процессе индивидуального развития независимо от опыта животного.

В поведении животных можно условно выделить врожденный и приобретенный компоненты: инстинкт и научение. Для психически низко организованных животных адаптивность полностью обеспечивается врожденным, генетическим компонентом поведения. Американский этолог Д.Дьюсбери считает, что «адаптивный, приспособительный характер многих инстинктивных действий сам по себе означает, что они должны были сформироваться на возникшей в филогенезе генетической основе. Так, например, самец паука-скакуна, для того чтобы затормозить хищническую реакцию самки, должен адресовать ей определенные демонстрационные акты, иначе он будет съеден. В этом случае важно, чтобы в первый же раз эти акты были осуществлены надлежащим образом и полностью. Ясно, что такое поведение возникло как филогенетическая адаптация».²

До сих пор в биологии нет общепринятой теории инстинкта. Что же касается «инстинктов человека», то грамотным, с точки зрения антропологии, будет употребление этого термина в переносном, метафорическом значении. Сейчас наука находится в стадии накопления данных по инстинктивному поведению животных и человека, но акценты, расставляемые в последние десятилетия при изучении врожденного поведения, существенно изменились.

Ранние исследователи инстинктивного поведения к проблеме инстинкта относились статически, то есть как к факту существования инстинкта в противовес существованию выученного, приобретенного в процессе индивидуального развития поведения. Проблема ставилась таким образом: «Чем отличается врожденное поведение от приобретенного поведения? Является ли данный тип поведения врожденным или это поведение приобретено в процессе жизни?» В последние десятилетия к проблеме инстинктивного поведения ученые стали относиться динамически, то есть как к проблеме формирования поведения. Вопрос ставится таким образом: «Каковы закономерности взаимодействия врожденного компонента поведения и условий внешней среды?»

Современные исследователи считают, что у высших животных и человека инстинктивное поведение и научение не существуют в поведении сами по себе, а переплетаются в единый поведенческий акт.³ Спрашивать, что сформировало данное поведение, врожденные наклонности или условия жизни, все равно, что спрашивать, от чего зависит площадь фигуры, от длины или ширины. С такой постановкой вопроса мы могли встретиться, к примеру, в телепередаче «Я сама», когда обсуждалась проблема, является ли родительский инстинкт человека врожденным или он приобретается в процессе правильного воспитания.

Исторически в естествознании сложились два подхода к определению инстинкта.

¹ Тобиас М., Стюарт М. Растягивайся и расслабляйся. М.: ФиС, 1994, С. 136.

² Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. С.184.

³ Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М.: МГУ, 1993, С. 44.

Первый подход - достаточно широкий. Его обычно придерживаются, когда говорят об инстинктах млекопитающих и человека. Под инстинктами понимают поведенческие стратегии в ответ на возникновение в организме какой-либо биологической потребности: голода, жажды, потребности во сне, в обладании территорией, половой потребности, познавательной потребности, которая имеется у высших млекопитающих. Инстинкт, кроме того, отождествляют с понятием «драйв», что значит влечение, страсть. При этом подходе имеется в виду, что конкретные проявления инстинктов у разных людей могут быть разные, но стратегии проявления инстинктов одинаковые или укладываются в рамки какой-либо классификации (типологии). Таков, например, психоаналитический подход к проблеме влечений.

Второй подход - узкий. Его предлагал, например, Конрад Лоренц¹. Это ученый считал, что под инстинктами следует понимать конкретные, строго фиксированные действия (движения), одинаковые в одинаковых ситуациях у всех представителей данного вида. Инстинкты Лоренц назвал «комплексами фиксированных действий». Основным объектом исследований Лоренца по инстинктивному поведению выступали птицы.

Какая точка зрения верна? Что такое инстинкты: поведенческие стратегии или комплексы фиксированных действий? Некоторые исследователи поведения, например, американский ученый Уоллес Крэгг, работы которого были опубликованы еще до появления работ К.Лоренца и формирования представлений психоаналитиков об инстинкте, применяли оба подхода одновременно. Сравнивая позицию У.Крэгга и выше изложенные идеи, можно убедиться, что разные воззрения на инстинкт описывают разные структурные части инстинктивного поведенческого акта.

В инстинктивном поведении Крэгг выделил appetentную и consummatory части². Appetentное поведение составляют последовательные реакции особи, проявление которых зависит от опыта животных. В appetentной (то есть «начальной», «поисковой») фазе инстинктивные движения у животных различны, переменны, их проявление во многом определяется состоянием внешней среды. Appetentное поведение подготавливает «выплёскивание» consummatory (заключительной) части, которая описывается гидравлической моделью К.Лоренца. Поведение животного в процессе выполнения заключительной части инстинкта стереотипно и не зависит от состояния внешней среды.

В физиологии принято представлять заключительную фазу инстинктивного поведения в виде совокупности безусловных рефлексов. Этологи находят ряд отличий в проявлении инстинкта и рефлекса. По мнению этологов, consummatory фаза инстинктивного поведения отличается от безусловно-рефлекторной деятельности определенной спонтанностью (независимостью от средовых влияний), сложностью, многоступенчатостью. Этологи полагают, что при упрощении понятия «инстинкт», при сведении этого понятия к понятию «рефлекс», теряются существенные характеристики инстинкта, а именно – его избирательное течение в зависимости от поведенческого контекста происходящего. Заключительная фаза инстинктивного поведения детерминирована (определена) филогенетически, но при этом возможно «созревание» инстинкта в онтогенезе.

Роль appetentной и consummatory фаз инстинктивного поведения различна у животных разных систематических групп. У млекопитающих, животных с высоко развитой нервной системой и сложно высшей нервной деятельностью, большую роль в поведении играет научение, поэтому у них начальная фаза инстинктивного поведения достаточно переменна. Инстинкты животных, которым учиться «некогда» (к ним относятся, например, насекомые), состоят из одной завершающей фазы и стереотипны в своем проявлении. Птицы отличаются высокой интенсивностью обменных процессов (высокой энергетикой).

¹К Лоренц – ученый-этолог, нобелевский лауреат, автор книг «Агрессия. Так называемое зло», «Кольцо царя Соломона», «Человек находит друга» и других.

²Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. С. 21.

Инстинктивные действия птиц достаточно стереотипны, как полагают, с целью экономии энергии, и хорошо описываются моделью К. Лоренца.

Врожденное поведение человека играет меньшую роль в сравнении с приобретенным поведением. Кроме того, у людей врожденные импульсы подвергаются культурному вытеснению или корректировке в соответствии с требованиями социума. Так, сексуальные и агрессивные желания человека, которые в норме вытесняются в бессознательную психику или подвергаются символической модификации, современное общество считает, большей частью, «неприличными» и «подрывными»¹.

Основное отличие инстинктов животных и инстинктов человека заключается в том, что только человек способен сам конституировать смысл своего поведения, в то время как смысл инстинктивного поведения животных состоит в обеспечении лучшей адаптации к условиям внешней среды. Кроме того, для животных инстинктивное поведение императивно (не допускает выбора, повелительно), в то время как человек, осознавший свои «инстинкты», в большей мере свободен поступать так или иначе.

Следующий перечень основных инстинктов человека считается общепринятым: инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода, социальный инстинкт и инстинкт самосовершенствования. Лоренц добавляет к этому списку «инстинкт борьбы» — агрессию.

При всей своей спорности и противоречивости, теории инстинктов находят применение в психологии человека, потому что позволяют перейти от «оценочного» подхода к «понимающему».

3.3. Характеристика комплексов фиксированных действий по К.Лоренцу

В XX веке интерес к изучению инстинкта появился после публикации работ австрийского этолога Конрада Лоренца. Лоренц подразумевал под инстинктом специфичный для данного вида животных комплекс фиксированных действий (КФД). Слово «фиксированный» подчеркивает стереотипный и законченный характер инстинктивных движений животных.

Охарактеризуем комплексы фиксированных действий. (Обратимся к тексту авторства Р. Дьюсбери).²

1) Комплексы фиксированных действий - сложные комплексы движений. Сложность отличает их от простых рефлексов. При всей сложности инстинкты чрезвычайно стереотипны.

2) Комплексы фиксированных действий вызываются простыми, но высокоспецифичными стимулами.

3) Комплексы фиксированных действий являются самопроизвольно истощающимися реакциями. Само осуществление КФД ведет к тому, что его становится труднее вызвать вновь.

4) В случае комплексов фиксированных действий внешние раздражители необходимы лишь в качестве «пусковых» стимулов. Будучи однажды вызваны, КФД продолжаются, даже если в среде возникнут изменения, в результате которых это поведение перестанет быть уместным. В ряде случаев, комплексы фиксированных действий могут начаться самопроизвольно, без всякой внешней стимуляции, «вхолостую». По своему характеру эти движения не отличаются от тех, которые она выполняет в нормальной ситуации.

б) Комплексы фиксированных действий независимы от прошлого опыта. Они осуществляются практически полностью с первого раза.

Наблюдая поведение животных, К.Лоренц и его последователь, голландский этолог Николаус Тинберген, заметили, что животные реагируют инстинктивно на специфические стимулы, поступающие из внешней среды. Стимулы, запускающие КФД, в этологии

¹ В терминологии отечественного философа Н.Автономовой

² Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. С. 22 - 28.

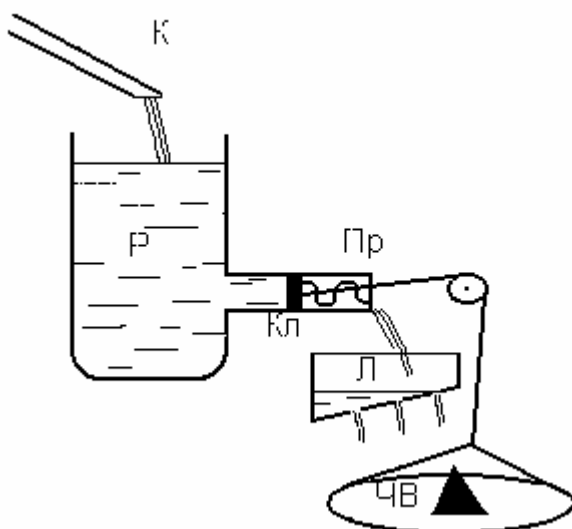
называют «знаковыми стимулами», «стимул-объектами», «релизерами», или «сигнальными раздражителями». Тинберген сделал вывод о том, что животные как бы «слепнут» в отношении всех признаков объекта внешнего мира, кроме одного признака, выступающего сигнальным раздражителем.

Пользуясь зоопсихологической терминологией, можно сказать, что в процессе осуществления видоспецифической реакции «отражение» становится неадекватным (несоответствующим), бедным, схематичным. Для изучения знаковых стимулов этологи используют модели - искусственные объекты, обладающие характерными признаками стимулов. Этологи создали модели, преувеличивающие, утрирующие «знаковые» признаки релизеров. Такие релизеры, более эффективные в отношении запуска КФД, чем природные стимулы, назвали «сверхоптимальными». Для объяснения механизмов действия врожденного поведения К. Лоренцем была предложена теория, получившая название «концепции растормаживания». Согласно этой теории, в организме постоянно имеется готовность к осуществлению различных КФД, но внешнее проявление инстинктов блокируется, то есть подавляется процессами активного торможения, исходящими из центральной нервной системы (ЦНС).

Каждому инстинкту соответствует своя энергия, действие которой подавляется до той поры, пока сигналы от знаковых стимулов не произведут растормаживание. Лоренц предположил, что в определенном участке мозга есть структура, названная им «разрешающим механизмом», на которую и действуют знаковые стимулы. Этот механизм Лоренц сравнивал с жидкостью в сосуде: каждый инстинкт соответствует своему «сосуду» (центру инстинкта). При появлении пускового раздражителя (релизера), «жидкость выливается» в форме инстинктивной силы или «драйва» (влечения).¹

Н. Тинберген высказал предположение, что центры инстинктов организованы по иерархическому принципу (принципу господства-подчинения). Энергия, ответственная за более высокий в иерархическом ряду тип активности, например, за размножение, будет вызывать ряд подчиненных активностей, таких, как строительство гнезда, брачное, а затем и родительское поведение.

Лоренц создал психогидравлическую модель инстинкта (упрощенный вариант модели иногда называют, не совсем верно, гидравлической моделью мотивации) (рис.2)

¹ Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М.:Мир, 1988. С. 320-331.

Рис.2. Психогидравлическая модель К.Лоренца. *К* - кран, *Р* - резервуар, *Кл* - клапан, *Пр* - пружина, *Л* - лоток, *ЧВ* - чашка весов.¹

Модель объясняет действие инстинкта, согласуясь с принципами функционирования КФД. Пользуясь психогидравлической моделью, можно проиллюстрировать «холостые» действия инстинкта, то есть проявление КФД в отсутствие внешних раздражителей. Модель также объясняет и «самоистощение» КФД, то есть ситуацию, при которой фиксированные действия больше не проявляются, несмотря на продолжающееся воздействие стимулов-объектов.

Рассмотрим психогидравлическую модель инстинктивного поведения К.Лоренца. Лоренц считает, что каждый КФД имеет собственный «резервуар» специфической энергии. Энергия относится только к данному типу активности, она не связана ни с какими другими типами поведения.

Накопление энергии аналогично постепенному накоплению воды в резервуаре, куда она поступает через кран. Вытекание воды из резервуара представляет собой двигательную активность. В норме выход воды из резервуара закрыт клапаном, имеющим пружину. Клапан символизирует блокирующее, тормозящее влияние ЦНС на врожденный разрешающий механизм.

Клапан открывается двумя способами. Первый - помещение на чашку весов грузов разного веса, что соответствует действию внешних раздражителей. Постепенно нарастающее давление воды в резервуаре и груз на чашке весов действуют в одном направлении - открывают клапан. Чем выше уровень воды, тем меньшим может быть требуемый вес груза. Если уровень воды очень высок, то открывание клапана достигается только давлением воды - это будет активность «вхолостую».

Разная интенсивность двигательной активности представлена в модели с помощью лотка, на наклонном дне которого имеются отверстия. Если клапан открыт лишь немного, через него выливается мало воды, и она попадает лишь в первое, самое нижнее отверстие лотка. Вытекание воды из самого нижнего отверстия лотка соответствует двигательной активности, имеющей самый низкий порог. Если клапан открывается больше, то вода выливается и через другие отверстия лотка, что соответствует активности с более высоким порогом.

Если резервуар опорожнился, то поведение уже обнаружить нельзя, как бы ни были сильны раздражители. Когда Лоренц говорит об «истощении» какого-либо двигательного акта, он имеет в виду именно этот случай данной модели. Психогидравлическая модель хорошо описывает циклические изменения реактивности. Покой после осуществления двигательного акта зависит от выполнения этого акта - в модели это единственный способ опорожнить резервуар.

Итак, для объяснения врожденного поведения К.Лоренц предложил модель, которая объясняет проявление инстинкта одновременно и внутренними, и внешними факторами.

Суммируя материал, изложенный выше, перечислим основные положения теории инстинктивного поведения Лоренца-Тинбергена:

- 1) каждому инстинкту соответствует своя энергия;
- 2) регуляцию каждого инстинкта осуществляет определенный участок мозга - центр инстинкта;
- 3) центры инстинктов организованы по иерархическому принципу; «включение» более высокого центра ведет за собой автоматическое «включение» подчиненных центров;
- 4) «запуск» инстинктивных действий подавляется тормозными процессами;

¹ Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М.: Мир, 1982. С. 142.

- 5) растормаживание центров инстинктов происходит либо под действием сигнальных раздражителей (релизеров), либо самопроизвольно;
- 6) осуществление инстинктивных действий приводит к самоистощению данной активности на определенный срок;
- 7) величина порога чувствительности к релизерам данной инстинктивной активности обратно пропорциональна давности осуществления этой активности.

При знакомстве с теорией инстинктов может показаться, что инстинктивное поведение недостаточно адаптивно. Действительно, инстинктивные действия продолжаются даже в том случае, если условия изменились так, что инстинктивное поведение перестало быть уместным. Кроме того, при выполнении инстинктивного поведения психическое отражение достаточно бедное и не вполне адекватное (животное, например, не замечает, что «сверхоптимальные» релизеры, предъявляемые экспериментатором, не натуральные, не имеют биологической ценности). Все эти недостатки перекрываются экономией энергии при автоматизме выполняемых инстинктивных стратегий. Приспособительное значение инстинкта проявляется в том случае, когда условия повторяются из рода в род.

3.4. Психоаналитические теории – об инстинктах человека

Повторяющиеся из рода в род условия имеются не только в онтогенезе животных, но и в жизни человека. Так, в процессе созревания организма, различные формы врожденного поведения сменяют друг друга. З.Фрейд указал на изменение ведущей роли той или иной телесной зоны в процессе формирования психики ребенка¹. З.Фрейд², а позже А.Фенишель, К.Хорни, Э.Фромм и другие психоаналитики выделяли оральную, анальную, уретральную, фаллическую, генитальную «стадии созревания инстинктов»³.

Тождество «биологических» стадий человеческой жизни (зачатия, рождения, кормления грудью, полового созревания, отделения от родителей, вступления в брак, смерти) – было положено в основу теоретических моделей Карла Густава Юнга. По мнению этого мыслителя, Этапы онтогенеза человека «заложены» в его биологической природе. К.Г.Юнг привел в соответствие этапам онтогенеза психологические структуры из области коллективной бессознательной психики и назвал их архетипами⁴.

Кроме того, определенной стереотипностью обладают и социально обусловленные стадии человеческой жизни. Наряду с классическими архетипами К.Юнга, описаны, как проявление бессознательной психики, социальные архетипы. Социальные архетипы - сюжеты, описывающие взаимоотношение человека и социальной среды, изучал отечественный ученый Е.М.Мелетинский⁵. Представленность архетипов в языке являлась предметом научного интереса М.Фрайя, Ф.Уилрайта, М.Мюллера.

Встает вопрос о биологической обусловленности архетипических образов и архетипических языковых паттернов. По мнению К.Юнга, теоретически возможно любое (бесконечное) число архетипов, «их ровно столько, сколько имеется универсальных жизненных ситуаций». В то же время полагается, что инстинкты запрограммированы в геноме, который состоит из конечного числа генов. Кажущееся противоречие легко разрешимо. Пользуясь метафорой, можно сказать, что бесконечное число архетипов определяется перемножением типических онтогенетических ситуаций на бесконечное число ассоциаций, порождаемых психической жизнью. Архетип - это инстинкт, «помноженный» на способный к сгущению, смещению и пластической репрезентации образ.

¹ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. // З.Фрейд. Я и Оно. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2. С. 5 - 174.

² Блум Г. Психоаналитические теории личности. М.: изд-во КСП, 1996. - 247 с.

³ Ж. Лакан указывает на символическое значение «восприятия» собственной телесности в психике человека, причем воображаемые идентификации могут не соответствовать анатомической реальности.

⁴ Юнг К.Г. Аналитическая психология. Тэвистокские лекции. Киев.: Синто - 228 с.

⁵ Мелетинский В.Е. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов. // Бессознательное. Новочеркасск: САГУНА, 1994. С.159-168.

«Языковой архетип» в широком смысле слова – это не биологическое, а социо-психо-биологическое понятие, связывающее тело, психику и общество. Оно объединяет закономерности проявления инстинкта, формирования образа и функционирования языка¹.

Подробнее материал об «инстинктах» людей будет рассмотрен далее по тексту, в тематике, посвященной появлению сознания и функционированию бессознательного.

Тема 4. **Антропосоциогенез.** **Происхождение речевой деятельности**

Опираясь только биологическими закономерностями эволюционного процесса ископаемых гоминид, невозможно объяснить ход антропосоциогенеза. Здесь важную роль сыграли также процессы общения, трудового преобразования окружающей среды, иные культурно нормированные формы социального взаимодействия (ритуалы, брачный и экономический обмен и т.д.).

Полагают, что речевая функция возникла в ходе эволюции человека потому, что в группе первобытных людей появилась необходимость в более совершенном средстве коммуникации (т.е. общения). С другой стороны, развитие рассудочной деятельности и сопутствующее ей понимание смертельной опасности, потребовали новых форм психической защиты социализированного индивида, снижающих стрессовое воздействие природной и социальной среды. Одной из форм психических защит, сопровождающих онтогенетический и, по-видимому, филогенетический процесс очеловечивания, является речевая деятельность.

Рассмотрим теории речевого филогенеза (иными словами, гипотезы глоттогенеза), содержание которых соотносится с данными современной психолингвистики. Следует помнить, что речевая деятельность – это форма адаптивного поведения людей, в то время как язык представляет собой обобщенную модель речевой деятельности, совокупность её кодовых правил, зафиксированную в текстах, имеющих хождение в данном социуме.

Рассуждая о возникновении языка, не верно выявлять какой-либо один главный фактор и признак возникновения языка, в то время как их в ходе эволюции существовало множество. Антропологи полагают, что «стадия призывов и угроз» была у неандертальцев примерно 70-40 тыс. лет назад. Позже её сменила «стадия команд» позднепалеолитических кроманьонцев. Полагают, что первые слова были глаголами в повелительном наклонении, то есть приказами. Первыми существительными были названия животных. «Век имен для животных совпадает с началом их изображения на стенах пещер или на костяной утвари».²

Одновременно с запретом инцеста появляется система наименований родства. Появляются понятия «отец», «мать», «сестра», «брат», «дочь», «сын», «дядя», «тетя». Одновременно с системой наименований родства возникает система поведенческих установок, допустимых в данном обществе при общении родственников. Эту систему подробно описал для современных «примитивных» обществ К. Леви-Стросс в книге «Структурная антропология».

Названия предметов в палеолите появляются позднее, чем глаголы. Личные имена человека появляются уже в мезолите, когда условия жизни становятся более спокойными, увеличивается продолжительность жизни, отдельный человек становится заметнее и

¹ Некоторые идеи лингво-ориентированного психоанализа изложены в последующих главах этого пособия.

² По материалам: Шкуратов В.А. Культурогенез // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 154-159.

получает право на имя. По всей видимости, акустические знаки во времена палеолита развивались одновременно с визуальными знаками (Ж.Деррида). Изменяя действительность, первобытные люди оставляли следы своей деятельности в природе, эти следы несли определенную информацию для соплеменников и могли кодироваться, то есть стать условными знаками с фиксированным смыслом. Французский философ Жак Деррида в книге «Грамматология» утверждает, что «письменность» такого рода развивалась одновременно с появлением звукового языка. Первобытные «письменные» знаки, как и языковые понятия, базировались на действующих социальных правилах, а существенным в них было различие и тождественность означающих.

4.1. Теория звукоподражания

Эта теория, называемая также имитационной или иконической¹ теорией, берет начало от древнегреческих философов-стоиков. Смысл теории состоит в том, что, по мнению её сторонников, человек приобрел свой язык, подражая звукам окружающей его природы (журчанию ручья, пению птиц, грохоту грома и т. д.). Можно привести следующие аргументы в пользу этой теории: а) наличие в любом языке звукоподражательных слов типа *ку-ку*, *хлоп*, *тьфу* и производных слов *куковать*, *хрюкать*, *хлопать*; б) появление в детской речи, которая как бы повторяет этапы языкового филогенеза, аналогичных словообразований (*гав-гав* – собака, *ням-ням* – кушать, *би-бика* – машинка).

Действительно, во всех языках имеются иконические знаки, но значительное большинство знаков языка человека представляет собой группу не иконических, а символических знаков, или, иными словами, конвенциональных. Значение конвенциональных знаков возникает «как бы» на основе договоренности между пользователями. Означающее и означаемое таких знаков не имеют какого-либо реального физического, структурного, топографического или типологического сходства. Кроме того, в языке человека употребление даже иконических языковых знаков носит конвенциональный характер.

Положительное ядро в теории звукоподражания все-таки имеется. Действительно, неязыковые знаки, которые использует человек, иногда построены по принципу иконичности (например, знаки дорожного движения).

Имеется ряд данных, которые противоречат теории звукоподражания как теории, полностью объясняющей ход эволюционного глоттогенеза. Первичная звуковая система, которой пользуется ребёнок, обходится без слов, в том числе и звукоподражательных. Для того, чтобы некий условный знак стал широко распространенным знаком человеческого языка, чаще всего, его следует «узаконить» социальным правилом.

4.2. Трудовая теория (теория «трудовых выкриков»)

Речевая функция, согласно трудовой теории глоттогенеза, возникает из-за необходимости организовывать общественный процесс труда. Сущность этой точки зрения состоит в том, что язык возник из звуков, сопровождающих совместную трудовую деятельность людей. Справедливые, с точки зрения современной психолингвистики, положения данной теории: а) язык действительно требует социального взаимодействия людей; б) языковые знаки вторичны по отношению к невербальным способам коммуникации; в) совместная деятельность возможна на основе употребления конвенциональных знаков.

Трудовая теория глоттогенеза связывает развитие речи с техникой обработки камня. Антропологи полагают, что голосовая деятельность человека времен олдувайской культуры представляла собой отдельные звуко сочетания. Они в большей степени выражали эмоциональное состояние «говорящего», чем несли соплеменникам какие-либо объективные

¹ Икона – от греческого слова «ойкон», что значит «образ». По иконической теории, слова людей являются звуковыми образами внеязыковых реалий внешнего мира.

сведения. Лишь позже в ходе эволюции человек обрел слова и связные речевые синтагмы. Время употребления первых слов соответствует появлению шелльских орудий труда. Синтагмы - это цельные смысловые единицы - появляются уже в позднем палеолите.

4.3. Жестовая теория происхождения языка

Вначале у общающихся людей были в репертуаре осмысленные жесты, которые сопровождала соответствующая эмоциональная фонация, затем появились оппозиционно организованные осмысленные звуки. Действительно, в процессе развития, ребёнок вначале создает невербальную (жестовую) протоязыковую систему, затем уже овладевает языком как фоно-лексико-грамматической структурой.

Эту теорию, в частности, поддерживал французский феноменолог М. Мерло-Понти (1959). Он утверждал, что язык следует понимать, исходя из единства души и тела, как оно дано в жесте. В жесте, который экспрессивен (выразителен), смысл находится в «зародышевом состоянии», рождается. Из зоопсихологии и сравнительной психологии известно, что у животных и маленьких детей восприятие и производство знаков связано с движением, но у человека дальнейшее овладение языком как символической системой «освобождает» функцию оперирования знаками от связи с соматическими движениями. У выросшего в обществе говорящего существа, в ответ на сильный внешний раздражитель, телесное движение либо затормаживается на неопределённый срок, либо из мышечного преобразуется в вегетативное. Всем нам известна способность человека «краснеть». Люди краснеют в ситуации стыда, при осознании восприятия общественно недопустимой информации. Также люди краснеют в ситуации «борьбы или бегства», в случае, когда в ответ на получение информации адресат сообщения испытывает физическую мобилизацию, но, при этом, двигательная реализация физического напряжения не допускается социальными правилами и ограничивается расширением поверхностных капилляров кожи на лице.

Жесты глухонемых, не обученных специально условному языку, иконически напоминают незавершенные движения или описывают форму предметов, о которых адресанты сообщения пытаются сообщить. Настоящее усвоение глухонемыми всего человеческого опыта оказалось возможным только после создания специального «договорного» жестового языка, то есть символической кодовой системы, первая попытка создания которой осуществилась в середине 19 века во Франции. Жестовый язык глухонемых, которых специально обучали специалисты по сурдопедагогике, имеет условный характер, его значение возникает в контексте сообщения. Для того, чтобы освоить языковую систему человека в полном объеме и обрести символическую способность, присущую людям, следует отказаться от однозначной связи иконического жеста и обозначаемого им явления.

Известна функциональная асимметрия мозговых полушарий - принципиальная особенность мозга говорящего человека, наличествующая в высшей нервной деятельности людей вне зависимости от того, пользуется ли человек обычным языком, или он пользуется жестовым языком глухонемых.

«У большинства людей в левом полушарии расположены зоны порождения и восприятия речи, так называемые зоны Брока и Вернике, таким образом, левое полушарие является «речевым», а тем самым, обычно, и «доминантным» (т.е. «главенствующим»); точнее, оно ответственно за логико-грамматическую расчленённость и связность нашей речи, за её форму, а также, по-видимому, и за абстрактную лексику, короче – за аналитическое, абстрактное мышление. При афазиях (нарушениях речи), обусловленных травмами левого полушария, речь теряет грамматическую правильность и плавность (причем по-разному, в зависимости от того, какие участки поражены – лобновисочные или задневисочные).

В противоположность левому, правое полушарие теснее связано с наглядно-образным мышлением, со зрительными, пространственными, звуковыми или иными образами, а специально в области языка – с предметными значениями слов, особенно конкретных существительных. Оно характеризуется нерасчленённым, но зато и более целостным восприятием мира и является источником интуиции. При заболеваниях и травмах, поражающих правое полушарие, грамматическая правильность высказываний может сохраняться, но речь становится бессмысленной. Интересно, что в детском возрасте асимметрия мозга ещё не проведена полностью и в случае частичного поражения того или иного участка коры головного мозга другие участки могут взять на себя его функции. В норме оба полушария работают в непрерывном контакте друг с другом, совместной работой обеспечивая всё поведение человека, его мышление и речь».¹

В ходе употребления людьми жестового или звукового языка работают идентичные отделы нервной системы. Это доказывается изменениями речевого поведения, а также нарушениями производства и понимания речи, наступающими после травм некоторых отделов головного мозга. При этом люди, пользующиеся жестовым языком, испытывают сложности в языковом кодировании, аналогичные сложностям в использовании естественного (звукового) языка.

4.4. Суггестивная теория (теория внушения)

Интересно представлен процесс возникновения языка в работах отечественного исследователя проблем палеопсихологии Б.Ф.Поршнева. Теорию Поршнева называют суггестивной теорией. «Суггестия», в данном контексте, означает «внушение». В суггестивной теории речевая функция служит целям изоляции племен первобытных людей, более «продвинутых» в культурном отношении. По Поршневу, среди ископаемых предков, обитавших на сопредельных территориях, выделялись более развитые, в эволюционном плане, группы гоминид и менее развитые, т.е. более и менее культурные. Племена ископаемых людей, далее продвинутых в культурном отношении, нуждались в психологической и культурной защите от племен менее совершенных в культурном смысле, но более энергичных². Таким средством защиты было употребление речи.

Б.Ф.Поршнева выделяет три стадии развития коммуникаций у ископаемых гоминид: стадию животной имитации, стадию суггестии ископаемых людей и стадию речевого общения *Хомо сапиенса*. Каждая стадия переходит в последующую стадией скачком. Ведущим фактором антропогенеза является общение, причем это общение не обязательно должно быть трудовым общением.

У истоков речи, по Поршневу, лежит не столько обмен информацией, сколько влияние одного индивида на другого. Это внушение представляет собой особое общение, имеющее смысл еще до прибавки к нему функции сообщения. Поршнева утверждает, что вторая сигнальная система (т. е., по И.П. Павлову, речь) зародилась как система принуждения между индивидами. Более сильный (властный) индивид указывал подчиненному, что делать и чего не делать. Б.Ф. Поршнева исследовал психические механизмы внушения и сознательной сопротивляемости внушению. Он пришел к выводу, что понятие отрицания, слово «нет» и частица «не», возникли вследствие желания первобытного человека защититься от влияния более сильного или доминантного сородича. Поршнева считает, что источником вокализации и стимулом развития полифоничности (многообразия звуков) у наших ископаемых предков было подражание «запретительным сигналам» крупных животных. У ископаемых людей не было эффективных средств защиты от хищников и конкурентов кроме «психического оружия», которым являлся голос. В пользу

¹ Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 15.

² Взято из: Шкуратов В.А. Культурогенез // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В.Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 158-159.

подобных рассуждений свидетельствует способ охоты современных шимпанзе, предполагаемый также у ископаемых ныне австралопитеков, при котором самцы стада криками отгоняют хищников от их добычи и присваивают её.

Источником речи, по Поршневу, первоначально могло служить обращение человека к животным. На первых этапах оно было односложным, охватывало ситуацию в целом и синтаксически выражалось в междометиях. Первыми словами были призывы, просьбы, требования, первоначально обращенные к животным, а позже – адресованные одним мужчиной другому.

Такая защитная, изоляционная функция речи сохраняется и поныне, выродившись в языки особых социальных групп – жаргоны. Жаргон – это язык микросоциума, отличающийся от общеразговорного языка особым составом слов и выражений, условный язык, понятный только в определенной среде. В настоящее время использование профессиональных терминов служит средством манифестации говорящих причастности к данной группе, а также средством изоляции «посвященных» от «непосвященных». Таким образом, профессиональный жаргон или специфическое употребление означающих иными социальными группами (подростками, приверженцами какой-либо идеи или развлечения, криминальными элементами и т. д.) служат целям идентификации.

Б.Ф. Поршнев опирался на теорию известного психолога П. Жане, согласно которой слово первоначально было командой для других, потом прошло сложную историю, состоящую из подражаний, изменений функции и лишь постепенно отделилось от действия. За «властью» слова стоит реальная власть начальника, отдающего команду посредством этого слова.

Очевидно, что в процессе индивидуального развития ребенка овладение речью происходит подобным образом. Речь ребенка – это побудительная команда для того, кто ухаживает за ребенком. Например, ребенок тянется за яблоком, но при этом он говорит «няня, няня» (или «на», «на»), побуждая присутствующих обратить на него внимание и выполнить желаемое. Ребенок желает повторения ситуации, имевшей место в прошлом, когда взрослые давали ему что-либо и говорили при этом: «На, на». В данном случае, отдельные означающие выполняют функцию целой фразы: «Няня, дай яблоко». Таким образом, смысл фразы и последствия речи стали известны ребенку раньше, чем у него развилась способность воспроизвести означающие.

Из психологии детства известно, что на раннем этапе развития у ребенка имеется представление о своем всемогуществе, которое называется «фантазм всевластия». Ребенок пытается управлять поведением взрослых посредством слов. Капризы и неуместные запросы ребенка могут на самом деле символизировать собой его желание получить ещё раз от взрослых подтверждение их любви (по Ж. Лакану). Чтобы развитие ребенка протекало нормально, взрослые должны частично попустительствовать желаниям ребенка, частично фрустрировать его, но и в том и в другом случае ребенок должен видеть, что его любят, что он является желанным для родителей и воспитателей.

4.5. «Экологическая» теория глоттогенеза

Эта теория подчеркивает преимущественное значение акустических знаков языка человека, по сравнению с визуальными и ольфакторными (запаховыми) знаками, главенствующими у млекопитающих. Возникновение речи, согласно экологической теории, связывается с природно-климатическими изменениями позднего плейстоцена и образом жизни охотничьих сообществ того периода. Люди жили в темных пещерах, что требовало «усовершенствования звукового общения». Мимика и жесты в темноте не видны, поэтому им на смену пришли новые нюансы сигналов призыва сородичей и сообщения об опасности.

Голосовые сигналы при этом имели значение «уточнителей характера и степени близости опасности».¹

4.6. Теория обобщения

Лингвистический знак соотносит звуковой образ слова с образом действительности из личного опыта индивида. Приблизительное содержание индивидуально воспринятого образа можно передать другому человеку только при наличии сопоставимого опыта жизнедеятельности и общего языка. Для этого необходимо научиться обобщать образы в соответствии с социально нормированными правилами. Для этого надо научиться разделять означаемое из личного жизненного опыта говорящего индивида на инвариантную часть, ассоциируемую с определенным словесным означающим социально нормированным кодом (т. е. имеющим хождение языком), и часть, не существенную с точки зрения передаваемого сообщения, или не отражаемую в кодовом правиле. Иначе говоря, различные образы можно соотносить с одним классом означающих (с понятием) социально приемлемым способом, имеющим хождение в данном языковом коллективе.

Отечественный психолог Л.С. Выготский связывает появление речи как *функции общения* с развитием функции *обобщения*. Выготский пишет: «Для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это непременно требует обобщения. Высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность».

Отнесение разных явлений действительности к одному классу происходит по социальным правилам, но зачастую социальная условность подобного действия не осознается, так как обобщение идет, как правило, не «в разрез», а в соответствии с естественными закономерностями восприятия. При этом может показаться, что наделение разных явлений одним родовым именем – отнесение их в одно множество – логически «вытекает» из свойств самих явлений. Зачастую это происходит не так. Именно социальное правило устанавливает, какие особенности восприятия следует считать существенными, а какие – не существенными, задавая, тем самым, способы обобщения зрительных образов. Тем не менее, обобщение – это социальная функция, освоив которую, можно с высокой долей правильного прогноза относить неизвестные ранее явления в класс, заданный родовым именем – понятием. Например, зная кодовые правила языка и имея относительно идентичный социальный опыт, каждый из говорящих на данном языке может представить «единорога» и символически его изобразить, поскольку слово «единорог» сопоставимо со словом «носорог», что значит единорог – это животное и т. д.

Л.С. Выготский считал, что язык, по своей сути – это социальный продукт, который постепенно интериоризируется² ребенком и приобретает функцию главного «организатора» его поведения, определяя течение таких психических процессов, как восприятие, память, решение задач, принятие решений. Иначе говоря, «природная», «натуральная», врожденная психика ребенка, в процессе овладения им языком своих предков (или, по Ж. Лакану, языком «символического Отца»), видоизменяется в сугубо человеческую психику. (Точнее, «природной» является только психика новорожденного, так как за младенцем с самого

¹ По материалам: Шкуратов В.А. Культурогенез // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 158-159.

² От слова «интериор», что значит «внутренний». Интериоризируется – значит, в контексте сказанного, становится внутренним регулятором. Интериоризация – это формирование внутренних психических структур, происходящее благодаря освоению внешних структур. Сравните это слово со словом «интерьер», обозначающим «внутреннее убранство помещения».

начала ухаживают субъекты речи, владеющие естественным языком и действующие по социальным нормам и правилам).

4.7. Возникновение языка как следствие развития интеллекта первобытных людей и осознания ими страха смерти

Эта теория подчеркивает значение языка как универсального способа психологической защиты. Логическое мышление и речь есть способы упрощения и структурирования реальности, и, как следствие, способы фантазийного прогнозирования будущего, «снятия» неопределенности. Страх перед неопределенностью, которая грозит возможной опасностью (в конечном итоге, страх смерти), привел к возникновению логического мышления и речи, в которой реально отличающиеся явления, имеющие диаметрально противоположные последствия для выживания, ассоциированы с реально отличающимися языковыми формами. Язык человека, как структурированная система, основан на упорядоченно оформленных позициях и оппозициях языковых знаков, которым, с помощью контекста, поставлены в ассоциативную связь отождествления и противопоставления фактически разнородных явлений внешнего мира.

4.8. Представления о филогенезе языкового знака У. Эко

Итальянский семиотик У. Эко предложил гипотезу появления слов, связав функциональное обобщение с трудовой деятельностью, взяв в качестве примера первые трудовые действия австралопитеков. (В итальянской научной традиции представители вида *Хомо хабилис* называются австралопитеками). Идеи У. Эко о глоттогенезе обобщают некоторые идеи изложенных выше теорий. Эко подчеркивает значение общего имени (т.е. понятия) как знаковой функции.

У. Эко перечисляет признаки присутствия культуры как символического языкового порядка, связывающего образ и смысл: «Языковая культура рождается тогда, когда 1) новая функция камня порождается мышлением независимо от реального использования камня в новой функции в этот момент; 2) когда первобытный человек называет камень «предметом, который служит для чего-нибудь», независимо от того, говорит он это «про себя» или вслух для других; 3) когда первобытный человек узнает камень как «камень, выполняющий функцию *F* и имеющий имя *Y*», независимо от того, использует человек камень или только узнает его в качестве камня».

У. Эко предлагает читателю вообразить, что австралопитек, применив первый камень в его возможной трудовой функции, «наталкивается» спустя некоторое время на второй камень и распознает его как знак, восходящий к более общей модели, выступающий абстрактным типом, к которому направляет знак. (Австралопитек связывает образ камня и образ трудовой деятельности, осуществленной с помощью камня). Второй камень будет воспринят австралопитеком в качестве означающего возможной трудовой функции камня вообще. Первый и второй камни, как знаки общего типа, являются означающими, отсылая к знаковой функции и замещая её в системе представлений. «Типичному» камню можно дать имя, которое одновременно является его знаковой функцией. Символическая система (язык) появляется тогда, когда устанавливаются кодовые правила выполнения функции и передачи информации об этом.

4.9. Теория функционирования языка как средства символического обмена

Ниже изложенные структуралистские и постструктуралистские воззрения на язык интересны тем, что они объясняют появление экономических отношений обмена в человеческом обществе через речевую деятельность людей. Теория языка как средства символического обмена базируется на идеях швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра (основателя структурной теории языка), французского социолога и антрополога Марселя

Мосса (автора теории обмена даров) и французского психоаналитика лингвистического направления Жака Лакана. В этой теории акцент делается на способность означающих (т. е. языковых форм, слов) к адекватной или неадекватной замене внутри языковой системы¹. Теория в дальнейшем была развита датским лингвистом Луи Ельмслевым и другими исследователями, указавшими на то, что результаты замены одних означающих другими обусловлены, в конечном итоге, общим контекстом получившегося сообщения. Такие замены приводят либо к изоморфности смысла текста, либо к его изменению.

До Ф. де Соссюра, ещё со времен Аристотеля, в философии языка существовала концепция, согласно которой слова представляют (репрезентируют) заранее заданные идеи. Согласно этим представлениям, в языке существуют «вертикальные» отношения репрезентации между предметами, идеями и словами. Несколько упрощая данное положение, можно сказать, к примеру, что употребление ребенком слова «мама» способно, в его защитной фантазии, примирить ребенка с отсутствием реальной матери как таковой, поскольку слово «мама» соответствует идее матери в душе ребенка, который поневоле соглашается с подобной заменой.

Ф. де Соссюр предположил, что знак можно рассматривать как две части: означающее и означаемое. При этом знак, имеющий употребление в человеческом обществе, не обязательно должен быть языковым знаком, он может быть, к примеру, эмблемой, правилом поведения, визуальным или звуковым символом. Например, древний сакральный символ «свастика» обозначает, в переносном смысле, движение солнца. Символичность – это возможность «заменить», «встать на место чего-то», «выполнить функцию». Антропологи полагают, что без способности людей к символизации не было бы ни языка, ни денег, ни каких-либо процессов обмена, в самом широком смысле этого слова.

Революция, совершенная в лингвистике Ф. де Соссюром, заключается в предположении, что связь или отношение между двумя частями знака, словом и идеей, означающим и означаемым, не является обязательной, заданной раз и навсегда². Речь, по Соссюру, представляет собой обращение «чистых» знаков, которые могут и не соответствовать означаемым. Соссюр «порвал» с традиционной концепцией языка, согласно которой слово – это обозначение. Концепции, ставящей слова в непосредственные и однозначные отношения к идеям и вещам, Соссюр противопоставил понятие языка-системы. Язык – не набор терминов, соответствующих той или иной вещи, где идеи всегда предшествуют словам. По Соссюру, язык – система, где все члены равноправны. Из этого следует, что слово не столько обозначает, сколько обладает ценностью, которая состоит исключительно в соотношениях и в различиях с другими означающими языка. Никакого жесткого соотношения между словом, идеей и предметом не существует: язык – это система «чистых» ценностей, которая определяется не внешними факторами, а состоянием его членов в данный момент.

Слова, по Ф. де Соссюру, не должны представлять заранее заданные понятия, смысл задает только лишь взаимоотношение слов в рамках системы «чистых» ценностей. Слово более не выполняет функцию обозначения вещей, их непосредственного называния. Слово приобретает смысл только в неопределенных и меняющихся отношениях к другим словам. Ценность слова заключается в том, что одно и то же слово можно «обменять» на непохожую вещь (идею) или сравнить с аналогичной вещью – другим словом того же или другого языка. Таким образом, Ф. де Соссюр совершил переворот в лингвистике, определив язык как

¹ В современном языкознании принята следующая терминология: слово (символ) - означающее, смысл (идея) - означаемое, предмет (вещь) - референт.

² По материалам книги: Психоанализ и науки о человеке. Сборник статей / Под ред. Н.С.Автономовой. М., 1996.

систему отношений, не имеющих ничего общего с функцией представления реальности. Он писал: «Может существовать организация знаков, соотносящихся лишь друг с другом»¹.

Мы полагаем, что Ф. де Соссюр был вынужден преувеличить важность обменной функции языковых означающих в естественном языке как феномене людской жизнедеятельности, поскольку до него на эту функцию лингвисты не обращали должного внимания. Речь, в отличие от языка, принимает во внимание («осмысливает») не только «горизонтальные» отношения между означающими, но также и «вертикальные» отсылки означающих к означаемым. Естественный язык представляет собой обобщенную модель речевой деятельности людей. Между тем речевая деятельность – это не игра в шахматы. Человек, конечно, является существом символическим. С другой стороны – он воплощен в тело *Хомо сапиенса* и питается, образно говоря, не словом «хлеб», а реальным хлебом, выращенным хлеборобами, чей труд, очевидно, сопровождается речевой деятельностью. За значениями языковых знаков «стоит» сопоставимый опыт адаптации пользователей языка к условиям внешнего мира, состоящего не только из слов.

Однако навыки употребления языковых знаков позволяют распознавать значения и смыслы на основе только лишь одних «неопределенных и меняющихся отношений слов к другим словам». Возможность «контекстуальной обусловленности замены одних означающих на другие» можно проиллюстрировать «Лингвистической сказкой» отечественной писательницы Людмилы Петрушевской. В приведенном ниже отрывке смысл, в основном, конституируется благодаря синтаксису².

«Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку, и волит: - Калушата! Калушаточки! Бутявка! Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились. А Калуша волит: - Оее! Оее! Бутявка-то некузявая! Калушата Бутявку вычучили. Бутявка вздрезнулася, сопритюкнулася и усяпала с напушки. А Калуша волит калушатам: - Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся. А Бутявка волит за напушкой: - Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!»³

Итак, до Соссюра существовала *репрезентативная* концепция языкового знака, в которой языковой знак представлял идею (или предмет), скрывавшуюся за ним. Соссюр создал *структурную* концепцию языкового знака, согласно которой смысл возникает только в результате отношений одних языковых знаков к другим⁴.

Современные лингвисты (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делез и другие представители постструктурализма и постмодернизма) полагают, что означающее само способно выстроить дополнительный смысл. Иначе говоря, неожиданное содержание может возникать в процессе языкового выражения, если «контекст не редуцирует потенциал значения до однозначного употребления», а реализует двусмысленность. Например, контекст рекламы радио «настройся на лучшее» допускает два толкования: одно – «будь оптимистичным», второе –

¹ Можно сравнить представления Ф. де Соссюра о языке с шахматной игрой. Так, в шахматы можно играть любыми фигурками: деревянными, стеклянными; можно обойтись также без реальных фигурок, заменив их символической записью партии на бумаге. В предельном случае, некоторые мастера шахматной игры вообще обходятся без фигур, удерживая весь ход игры в уме. Имеет значение не материал, из которого сделана фигура, а отношение фигуры к другим фигурам, которое задается правилами игры и сложившейся игровой ситуацией.

² Синтаксис – это, в широком смысле, соотношение между знаками одного кода.

³ Петрушевская Л. Лингвистическая сказка / Литературная газета, 1984. № 27 (4989).

⁴ Автор данного пособия согласен с утверждением Ф. де Соссюра частично. Язык, как обобщенная модель речевой деятельности – система «чистых» ценностей, но конкретная речевая деятельность людей актуализирует контексты, отсылающие к материальному миру. К примеру, неожиданная творческая авторская метафора или метонимия могут возникнуть в речи как «чистая» игра означающих, но для понимания их смысла окружающими необходимо выполнение следующих условий: они должны иметь сопоставимый социальный опыт, включая знание предполагаемого набора затронутых контекстов, или же они должны быть знакомы с относительно сопоставимым «гипертекстом».

«настрой радиоприемник на лучшую передачу». Подобным двойственным образом можно истолковать фразу «всегда в рабочей форме», употребленную в рекламе рабочей одежды.

Свойство языка обозначать несколько смыслов посредством одного означающего называется полисемией (многозначностью). Полисемичными могут быть не только отдельные слова, но и целые фразы.

Полисемичен и «язык» сновидений. Примером может послужить интерпретация сновидения Александра Македонского, выполненная его советником-толкователем¹. Накануне взятия города Тира, после длительной его осады, Македонский увидел во сне пляшущего на его щите сатира. Сатир, по-гречески, – «сатирос», причём это слово звучит так же, как и выражение «Са Тирос», что значит «Тир – твой». Древнегреческий толкователь истолковал сновидение царя как его страстное желание взять город. Образ сатира в сновидении, сам по себе, не нёс для сновидца значимой информации, но являлся формой для идеи «сатирос». Слово «сатирос», в свою очередь, послужило формой для идеи «Са Тирос», представляющей скрытое желание Александра Македонского.

Дополнительная литература по теме:

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. Б.П.Нарумова. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990.
3. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л.: Наука, 1979.
4. Варпахович Л.В. Лингвистика в таблицах и схемах. Минск: Новое знание, 2003.
5. Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996.
6. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: URSS, 2007.

Контрольная работа № 1 Знаковая деятельность человека

Верно или нет?

1. Социализация человека заключается, частично, в том, что психические представления «упаковываются» в языковые формы, функционирование которых сознательно или безотчетно принято в данном обществе.
2. Разные предметы и явления можно, в зависимости от общего смысла ситуации, наделять одинаковыми означающими (называть одними словами).
3. Фетишистские взгляды предполагают, что значение какого-либо явления заключается в его названии и автоматически вытекает из самого явления, а не порождается человеком.
4. Если внешняя форма знака похожа на обозначаемый этим знаком предмет или явление, про такой знак говорят, что это индексальный знак.
5. Форма знака – это “план выражения”, или означающий компонент знака.

¹ По материалам: Цапкин В.Н. Семиотический подход к проблемам бессознательного / В кн.: Бессознательное. Многообразие видения. Новочеркасск: Сагуна. 1994.

6. Для понимания смысла знаков несколькими участниками коммуникации необходимо выполнение, по крайней мере, одного из перечисленных условий: 1) адресант и адресат должны принадлежать к одной культуре; 2) между участниками коммуникационного процесса существует предварительная договоренность о смысле употребляемых знаков; 3) смысл знака порождается его внешней формой: значение возникает по принципу указания на предмет или по принципу сходства знака и означаемого им объекта; 4) отправитель знаков и тот, кто истолковывает знаковое сообщение, - участники совместных практических действий по достижению общей цели.
7. Метафора – это название разнородных предметов, объектов и значений одинаковым именем на основе обобщений.
8. Синтактика – раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется.
9. Семантика – раздел семиотики, изучающий знаковые системы как средства выражения смысла.
10. Одна из функций игры – тренировка в отказе от фетишизма значений. Один и тот же объект, употребляемый попеременно то в игровой, то в реальной ситуациях, получает разные значения.
11. Каждому слову и каждой фразе человеческого языка свойственны единственные, строго оговоренные обществом, значения; иначе говоря, слова и фразы человеческого языка строго моносемичны.
12. При метонимии перенос названия с одного объекта на другой осуществляется не на основе сходства внешних или внутренних признаков этих объектов, а на основании смежности, то есть соприкосания вещей в пространстве или во времени.
13. Общественные ритуалы служат для того, чтобы человек, выполняющий данное ритуальное действие, мог разотождествить себя с социумом, в котором функционирует данный ритуал.
14. Первобытный охотничий ритуал, при котором принято “протыкать” изображение промыслового животного копьём, содержит иконическое указание на желаемое реальное действие.
15. Символ выражает множественность смыслов. В знаке-символе смежность формы и содержания знака предписана, навязана, она не является внутренне мотивированной; или же внутренняя мотивированность связи означаемого и означающего компонентов символа не осознаётся членами данного общества из цензурных соображений.
16. Употребление национального языка помогает этническому самоотождествлению.
17. Когнитивная (познавательная) функция языка заключается в стремлении говорящего и слушающего обратить особое внимание на форму передаваемого сообщения.
18. Первобытное стадо – это форма социальности, при которой родовые отношения, в основном, совпадают с производственными отношениями.

19. Словесные команды, с помощью которых ребенок организует свою деятельность, первоначально исходили от близких ему взрослых людей, позже эти команды были интериоризованы (стали внутренними командами). Аналогично действуют коллективные монологи, в произнесении которых принимают участие члены первобытного общества.
20. При использовании символа коммуникативная языковая функция преобладает над функцией производства значения.
21. Исторически, первоначально возникли отношения товарного обмена, а затем, на основе этой модели – возникли брачные правила, требующие обмена женщинами.
22. При состояниях физической усталости, эмоциональной нестабильности, опьянения и иных токсикозов, количество жестов, сопровождающих речь, резко сокращается. Этот факт свидетельствует против жестовой теории происхождения языка.
23. Язык можно определить как обобщенную модельную совокупность всех речей.
24. Колдовство – это манипуляции над внешней формой знака, производимые с целью предполагаемого воздействия на содержание. Эта форма магии базируется на фетишистских представлениях о жесткой, присущей самому знаку (а не привносимой толкователем знака) связи означаемого и означающего.
25. В тех случаях, когда человек называет разные предметы одним именем, он выделяет главные и второстепенные детали, характеризующие эти предметы, и отождествляет предметы между собой по схожести “главных” признаков. Критерием того, какие черты следует считать главными, а какие – второстепенными, выступают требования практической деятельности, ради которой в языке происходит данное обобщение разнородных предметов.

Контрольная работа № 2

Особенности коммуникативной деятельности (общения) человека

Часть I.

Верно или нет?

1. Системы коммуникации человека или, в зоопсихологии, системы коммуникации животных, которые используют не только слова, но также и другие знаки (например, музыкальные звуки, позы, телодвижения, условные символы), принято называть «языками». Общая функция всех таких «языков» состоит в обеспечении процесса общения, передачи информации.
2. Адресант сообщения – это слушатель, а адресат – это говорящий.
3. Пользователь знака – это человек, который порождает или воспринимает знаковую информацию.
4. Использование конвенциональных знаков (то есть таких знаков, в которых воспринятая форма, или означающее, не похоже по своим физическим характеристикам на стоящее за этой формой содержание, или означаемое)

способствует разобщению социума, члены которого используют для коммуникации знаки договорного (конвенционального) характера.

5. Фонетическое слово является означающим языкового знака и, одновременно, является знаком своего смысла. Слово, вместе со своим смыслом, кроме того, является знаком какого-либо предмета или явления неязыкового мира, то есть оно является знаком предмета или явления экстралингвистической действительности. Предмет или референт, обозначенный словом, называется референтом знака.
6. «План содержания» сообщения включает материальную сторону естественного языка (это вокально-слуховая модальность речи, линейный характер означающих, ударение). «План выражения» сообщения связан с осмыслением явления действительности, о котором в сообщении идет речь.
7. Если слово понимается как свойство, атрибут вещи, называемой данным словом, можно говорить о примитивности пользователя языка, его «языковом фетишизме».

Часть II.

Выберите правильный (правильные) ответы из предложенных вариантов.

1. Знание кодовых правил грамматики и синтаксиса языка обеспечивает понимание смысла сообщения даже в том случае, когда в нём имеются недостающие элементы. Эллипсис (пропущенный элемент сообщения) может быть реконструирован на основе имеющихся в сообщении элементов, благодаря свойству, которое называется:
 - а) логичность изложения;
 - б) жизненный опыт адресата;
 - в) метафоричность сообщения;
 - г) системность языка;
 - д) линейная протяженность высказывания.
2. Интонация, сопровождающая речевую деятельность человека,
 - а) может изменить смысл произнесенного сообщения на противоположный;
 - б) может породить новое или дополнительное значение.
3. Коммуникация (то есть общение) в человеческом обществе осуществляется с помощью
 - а) интуиции;
 - б) обмена знаками;
 - в) телепатии.
4. Знак – это ...
 - а) знак – то, что стоит вместо чего-либо для мотивированной особи, имеющей опыт взаимодействия с внешним миром (знак замещает что-либо в определенном смысле или качестве);
 - б) знак – то, что отсылает пользователя знака к чему-либо, отличающемуся от самого знака;
 - в) знак – то, что вызывает представление о чем-либо, отличающемся от воспринятой формы;
 - г) знак – движение от воспринятой формы (от означающего) к некоторому содержанию (означаемому) из видового или индивидуального опыта пользователя знака;

д) знак – то, что побуждает к деятельности, соответствующей доминирующей мотивации (намерению) пользователя, с вероятностью менее ста процентов. Если «знак» однозначно вызывает какую-либо деятельность – мы имеем дело не со знаковым, а причинно-следственным взаимодействием.

5. Адаптивная функция речевой деятельности как психологического защитного механизма заключается в обеспечении следующих процессов:

а) при использовании одинаковых правил кодирования информации происходит взаимное отождествление пользователей языка. На этой функции основано активное использование жаргона в микросоциумах, например, подростковых, профессиональных и т.д.;

б) рассказ или иные формы сообщений позволяют создать иллюзорную действительность, в которой проблемы говорящего субъекта решены лучшим образом, чем в реальной жизни;

в) грамотное использование языка гарантирует построение научной, логической, непротиворечивой картины мира.

Тема 5.

Антропология и психоаналитические теории.

Бессознательное

Одной из современных проблем антропологии является проблема исследования закономерностей и механизмов гоминизации (очеловечивания) «изначально» биологических существ, какими являются представители вида *Homo sapiens*. Биологическая эволюция ископаемых гоминид сменилась на более поздних этапах эволюцией поведенческих и психических особенностей мыслящих социализированных индивидов. Психика – это присущая человеку и животным способность к построению адаптивных моделей окружающего мира и самих себя.

Психика человека, включая работу сознания, тесно связана с языком. Человек, с детства лишенный общения с людьми и выросший по каким-либо причинам без общества, в дальнейшем не способен к освоению всей совокупности проявлений человеческой культуры. Социализация ребенка происходит, прежде всего, под влиянием текстов, усвоенных им от родителей и воспитателей и, в целом, имеющих хождение в данной культуре. Овладевая языком, ребенок «подспудно» осваивает принципы логического мышления и систему оценок, которые имплицитно заложены в текстах.

В поведении животных преобладают инстинкты самосохранения и продолжения рода. Несмотря на происхождение от приматов, один из основных инстинктов человека «находится» не в биологической, а социальной сфере. Это инстинкт социального признания. В ходе приобретения языковой компетенции, ребенок отождествляется с носителями данной «структурированной системы кодирования значений и функционирования семантических полей», которой является язык.

Так называемое «бессознательное» человека, согласно представлениям современного психоаналитика лингвистического направления Ж. Лакана, имеет знаковую (языковую) природу. В современной науке имеют хождение две концепции знака: традиционная (классическая или структуралистская) и авангардная (постструктуралистская). Согласно классической концепции знака, языковой знак, используемый в ходе intersubjectивной коммуникации, «действует» следующим образом: он намеренно употребляется партнерами по коммуникации и выражает тот смысл (намекает на тот смысл), который подразумевал адресант, предъявляя, в ходе общения, языковой знак адресату. Так функционируют слова и

фразы языка, взятые в их обычном значении. В этой функции знак способен «информировать», а точнее, возбуждать в слушателе уже имеющиеся у него в наличии значения, соответствующие предъявленному означаемому.

Если оба пользователя знака «принадлежат» к одной культуре, знакомы с одними и теми же текстами, то есть владеют значениями слов и выражений из одних и тех же семантических полей, то они, с помощью знаков, могут в ходе диалога передавать значения, не задумываясь о намеренности такой передачи. При этом могут передаваться (возбуждаться) не только намеренные, но также и скрытые значения и смыслы, ассоциативно возникающие на бессознательной основе у обоих пользователей знака или у одного из них. «Бессознательное» оказывает свое действие благодаря работе «спящих», «остаточных» языковых смыслов, «доставшихся в наследие от речевых практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые трансформируются под влиянием языковых клише эпохи»¹. И, наконец, языковой знак может функционировать на ещё более бессознательном уровне. В случае значительной ангажированности пользователя знака, намеком на проблему, важную для него, может стать какое-либо не значащее или мало значащее, с точки зрения социума, явление, приобретая, тем самым, знаковый характер. Согласно авангардной теории знака, знаковый характер имеет не только речевая деятельность людей, но также избирательное внимание и восприятие говорящего субъекта.

5.1. Идеи Зигмунда Фрейда о психической энергии человека и бессознательном

Зигмунд Фрейд (1856-1939) – венский врач и ученый, основатель психоаналитической теории. По влиянию, оказанному на умы современников, теорию З.Фрейда ставят в один ряд с такими открытиями, как открытия Н.Коперника и Ч.Дарвина. Психоаналитическую теорию Фрейда и его последователей называют *Эго-психологией*, поскольку результатом психоанализа является укрепление защитных механизмов психики.

Канадский психолог Ж.Годфруа² полагает, что теория З.Фрейда, представленная в предельно упрощенном виде, основана на принципе, сходном с принципом организации психогидравлической модели инстинктивного поведения К.Лоренца. «По мнению З.Фрейда, внутренним фактором, действующим в организме с самого рождения, является энергия полового влечения, или «драйва», которую он назвал либидо. Подавляемые влечения входят в «большой резервуар» того, что составляет источник всех желаний. Желания могут быть осуществлены только в том случае, если часть психики, ответственная за приспособление человека к реальному существованию и называемая *Эго (Я)*, не сопротивляется им.

Сопротивление *Эго* происходит потому, что, во-первых, реализация влечения (драйва) может помешать адаптации индивидуума, или же потому, что, во-вторых, моральный цензор, или часть психики, называемая *Супер-Эго*, не позволяет реализовать влечение».

Влечение может быть даже никогда не осознано или вторично вытеснено в бессознательную часть психики, если этого требуют культурные запреты. Такими запретами в нашем обществе являются, например, запреты на сексуальные чувства вне брака, гомосексуальные и разрушительно-агрессивные представления («неприличные» и «подрывные» представления).

По Фрейду, культурные запреты мешают свободному расходованию энергии и часто порождают плохо осознаваемое чувство стеснения, приводящее к беспокойству и агрессивности. Чтобы дать выход заблокированной энергии, наиболее здоровым полагается обращение к приемлемым для общества действиям. Так, разочарованный влюбленный может направить энергию либидо на служение гуманистическим идеалам, а может обратить ее в агрессивность по отношению к окружающим, пишет Ж.Годфруа.

¹ По: Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.

² Годфруа Ж. Что такое психология. М.: Мир, 1992. Т.1, С. 266.

В работе «Влечения и их судьба», З.Фрейд следующим образом разделяет инстинкт и рефлекс: «Влечения, или инстинкты, производят раздражения внутри организма. Рефлексы же есть реакция на раздражения, исходящие из внешней среды. Внешнее раздражение действует как единый толчок, оно может быть устранено бегством от источника раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда - постоянной силы. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, против него не в силах помочь никакое бегство». ¹ Если провести параллель между представленным в этом отрывке толкованием инстинкта и толкованием инстинкта с этологической точки зрения, то можно увидеть, что понятию «инстинкт» в работе Фрейда соответствует понятие «энергия инстинкта», как оно дано у К.Лоренца и Н.Тинбергена.

Представления З.Фрейда и его последователей, касающиеся инстинктов человека, проанализировал современный психоаналитик Ч.Райкрофт.² Обратимся к его работе «Критический словарь психоанализа».

Райкрофт считает, что под инстинктом, согласно классической психоаналитической теории, понимается врожденное, биологически детерминированное (определенное) побуждение к действию.

З.Фрейд был сторонником дуалистической (основанной на двойственности) теории инстинктов. Фрейд разделил все инстинкты на две группы: инстинкты Я (инстинкты ЭГО) и половой инстинкт, которые соответствуют биологическим инстинктам самосохранения и воспроизведения потомства. В поздних работах З.Фрейд выделял инстинкт жизни и инстинкт смерти, которые противопоставлялись. Инстинкт жизни, по-Фрейду, включает как сексуальные инстинкты, так и инстинкты самосохранения, а инстинкт смерти является стремлением к возврату в неорганическое состояние. Проекцию (перенесение на другую плоскость) собственного врожденного разрушительного влечения человека вовне психоанализ считает причиной агрессии. Относительно инстинктов жизни и смерти, называемых так же «либидо» и «мортидо», или, по-другому, «эросом» и «танатосом», Фрейдом была разработана следующая схема.

По-Фрейду, инстинкт имеет: а) биологический источник; б) запас энергии этого источника; в) цель, то есть осуществляет специфические для данного инстинкта действия, ведущие к его удовлетворению и к разрядке заключенной в нем энергии; г) объект, в отношении которого цель может быть достигнута.

Неудача в нахождении объекта и достижении инстинктивной цели ведет к увеличению инстинктивного напряжения, причем повышенное напряжение испытывается как страдание. Это страдание ведет или к возрастанию активности в достижении разрядки, или к введению психологических защитных механизмов для уменьшения напряжения.

Защитные механизмы охраняют организм от внешних и внутренних стимулов посредством блокирования реакций. К защитным механизмам современные психологи относят: проекцию, сублимацию, вытеснение, отрицание, подавление, возрастную регрессию, «бегство» в безумие и т.д.

По З.Фрейду, инстинкт может подвергаться превращениям четырех видов: а) обращению в свою противоположность, обычно – замене активной роли на пассивную; б) «повороту против себя», то есть использованию самого себя в качестве инстинктивного объекта; в) вытеснению неприемлемых инстинктивных импульсов или идей в бессознательную часть психики; г) сублимации, в результате которой инстинктивная энергия в конечном итоге разряжается в действиях, лишь символически связанных с первичной инстинктивной целью.

З. Фрейда часто обвиняют в пансексуализме, то есть стремлении объяснить все психические феномены через сексуальность, в то же время многие психологи полагают, что

¹ Фрейд З. Художник и фантазирование.

² Райкрофт. Ч. Критический словарь психоанализа. Спб.: Изд-во Вост.-Европ. Инст-та психоанализа. 1995. С. 56 - 59

именно «в пансексуализме» и заключается объяснительная сила фрейдовской теории. «Язык биологической сексуальности» З.Фрейда позволяет метафорически осмысливать любые явления, так как он универсален. Животные инстинкты агрессивности и сексуальности способны принять на себя любые сугубо человеческие смыслы: власти, запрета на творчество, «кастрации» или же творчества ради продолжения жизни. Так, к примеру, соавтор книги «Агрессия», американская женщина-психолог Дебора Ричардсон, как она пишет, посвятила свой труд «всем особенным людям, которые, каждый по-своему, помогли мне понять, как важно различать, какая сила, любовь или власть, движет поступками».¹

З.Фрейд открыл механизмы «машинерии бессознательного» (Ж. Делёз)². Он описал в своих работах механизмы трансформации бессознательных представлений: сгущение, или, другими словами, конденсацию, смещение (сдвиг) и пластическую репрезентацию (перемешивание частей).

Что такое бессознательное? Это особое качество психики³, не открытое сознанию в момент своего проявления. Мы распознаем свое и чужое бессознательное позже, или же оно так и остается неосознанным, но влияет на поведение, оценку происходящего, настроение, намерения. По мнению Л.С.Выготского, «бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им». Отечественный семиотик В.Н.Цапкин, анализируя работы Фрейда пишет, что «такими следами и проявлениями бессознательного являются невротические симптомы и сновидения, ошибочные и симптоматические действия, остроты, а так же свободные ассоциации».⁴ Кроме того, бессознательное обнаруживает себя посредством “беспричинных” лжи и слишком эмоциональных суждений, фантазий, телесных привычек и языковых игр: каламбуров, анаграмм, метафор, шарад, ребусов.

«Своим важнейшим открытием Фрейд считал то, что ему удалось обнаружить смысл этих явлений» <...>По своей структуре «все они являются искаженным опосредованным выражением бессознательных процессов: конфликта мотивов, вытеснения неприемлемых желаний и связанных с ним переживаний. Образование невротического симптома [Фрейд] описывает следующим образом: «...в бессознательном вытесненное желание продолжает существовать и ждёт только первой возможности сделаться активным и послать от себя в сознание искаженного, ставшего неузнаваемым заместителя. К этому замещающему представлению вскоре присоединяются те неприятные чувствования, от которых можно было считать себя избавленным, благодаря вытеснению. Это замещающее представление - симптом... В симптоме, наряду с признаками искажения, есть остаток какого-либо сходства с первоначальной, вытесненной идеей, остаток, позволяющий совершиться такой замене», - пишет Цапкин. Автор указывает, что это сходство зачастую трудно обнаружить, так как оно может основываться не на обобщении, а быть «формальным» сходством.

Энергию полового влечения Фрейд называет либидо. Либидо Фрейд сравнивает с водным потоком, который делим, способен запруживаться, переплескиваться в побочные течения. Если либидо «запруживается» в результате вытеснения, то оно может начать снабжать своей энергией не свойственные ей функции, имевшие значение на более ранних стадиях онтогенеза. Поэтому невротики и психически больные люди обнаруживают реакции, характерные для детского возраста. Так, энергия, соответствующая либидо, может выплеснуться в другие, неполовые функции (например, в функцию питания, имевшую

¹ Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. С.5.

² Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995.

³ Психика – специфическая способность людей и животных, возникшая в процессе эволюции. Психическая деятельность заключается, главным образом, в построении адаптивных (приспособительных) моделей реальности.

⁴ Цапкин В.Н. Семиотический подход к проблеме бессознательного. // Бессознательное. Новочеркасск :Сагуна. 1994. С. 82.

основное значение среди прочих функций в младенчестве). При этом возникает болезненное состояние психики. Например, вытесненное женщиной желание иметь ребенка может проявиться в булимии (патологической прожорливости). Женщина как бы (символически) сама превращается в объект своей любви - в ребенка, т.е. использует себя в качестве инстинктивного объекта.

Фрейд выделил следующие стадии развития либидо (стадии развития инстинктов) в процессе онтогенеза: оральную, анальную, уретральную, фаллическую и генитальную. В идеале, у взрослого человека должна доминировать генитальная стадия либидо, а прегенитальные стадии (оральная, анальная, уретральная, фаллическая) должны быть сублимированы. (Сублимация - символическая замена инстинктивных целей культурно более высокими целями). В зависимости от того, насколько успешно пройдены прегенитальные стадии либидо во время первых двух десятилетий жизни, у человека формируется особое сочетание черт характера, уникальный стиль жизни.

В жизни человека, в отличие от онтогенеза животного, стадии развития (созревания) инстинктов, как и прочие биологически детерминированные процессы, тесно связаны с их осмысливанием. Процесс осмысливания инстинктов начинается параллельно с освоением языка. Проблемы, с которыми сталкивается ребенок на разных этапах развития либидо, уже в самом процессе их переживания подвергаются субъективной оценке, тем самым превращаются в страницу личной истории. «Застревание» взрослого на ранее пройденных стадиях развития либидо, обуславливающее тот или иной тип характера, имеет не биологическое значение, а служит символом невротического симптома. Факты из детской жизни либо признаются сознанием, либо подвергаются цензуре. «Фиксация на так называемой инстинктивной стадии представляет собой оставленный историей шрам: либо страницу стыда, которую забывают или зачеркивают, либо страницу славы, которая обязывает. Но забытое дает о себе знать в действиях, зачеркнутое сопротивляется тому, что говорится где-то в другом месте, а обязательство увековечивает в символе ту самую иллюзию, у которой субъект оказался в плену» (Лакан).¹ Таким образом, фиксация на той или иной либидинозной стадии служит символом психологических проблем человека.

Бессознательное психическое является универсальным внерефлективным регулятором поведения человека. Согласно представлениям австрийского врача и психоаналитика З.Фрейда, душа человека имеет в своем составе три части: 1) *Оно (Id)*, или бессознательное психическое; 2) *Я (Ego)*; 3) *Сверх-Я* и *Идеал-Я (Super-Ego и Ideal-Ego)*. Идеи З. Фрейда относительно генезиса (т.е. появления и развития) и функционирования этих частей психики получили широкое признание, составляя так называемую топологическую модель души (психики) человека.

С точки зрения З.Фрейда, бессознательное психическое управляется, в основном, принципом удовольствия. По мере социализации, ребенок вынужден отказаться от притязаний на постоянное внимание со стороны матери, направленное исключительно на него. Этот процесс получил название «разрешение Эдипового комплекса». По мере течения этого процесса, отделяясь из полностью бессознательной субстанции *Оно*, одновременно формируются частично сознательные, частично бессознательные субстанции *Я*, *Сверх-Я* и *Идеал-Я*.

Субстанция *Сверх-Я* представляет собой интереоризированные ребенком требования его родителей и воспитателей. *Сверх-Я* культурно наследуется, представляя собой, соответственно, требования предыдущих поколений – дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, авторов книг из школьной программы и т. д. Оформляется субстанция *Сверх-Я*, в основном, как требовательные или обвинительные речи, и обращенные к ребенку под угрозой его наказания. Считается, что тексты *Сверх-Я* усваиваются ребенком в результате

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. С. 31.

фрустраций и страхов, и постепенно становясь его собственными требованиями к себе и окружающим. Той части души, которая у З.Фрейда получила название *Сверх-Я*, в русском языке соответствует понятие «совесть».

Идеал-Я – это интериоризированные психикой правила родителей (и, соответственно, представителей предыдущих поколений), при выполнении которых ребенок получает поощрение и похвалу: сначала от своих воспитателей, затем – со стороны своей собственной души. Тексты *Идеал-Я* усваиваются ребенком, поскольку он не желает расстраивать любящих его родителей. В русском языке этой части души соответствует понятие «честь».

Таким образом, по З.Фрейду, части психики человека формируются в ходе онтогенеза по ходу социализации ребенка. Младенец существует, исходя из «принципа удовольствия», и его душа, по Фрейду, состоит из одного только бессознательного слоя психики, называемого *Оно*. Приспособление к действительности, а также усвоенные ребенком требования родителей (воспитателей) приводят к доминированию в душе «принципа реальности», который замещает «принцип удовольствия». Итак, следствием адаптации и усвоения культурных правил является появление в психике ребенка слоев, называемых *Я*, *Супер-Я* и *Идеал-Я*.

Долгое время в нашей стране идеи З.Фрейда преподносили в ошибочной трактовке, уверяя, что он в своих работах провозглашал неразрешимый глубинный конфликт человеческой души и требований культуры. Ж.Лакан не раз указывал в своих работах на неверное подобное толкование положений З.Фрейда. Лакан подчеркивал, что символическая функция языковых означающих, представляющих собой культурный продукт и «отсылающих» к идеалу, заключается не в раздувании конфликта, а, напротив, в объединении социального закона и желания говорящего. В целом, символическая языковая функция, по мнению психоаналитика Ж.Лакана, служит для согласования осознанных социальных ограничений с желаниями говорящего субъекта, желающего признания у той части социума, языком которой он пользуется для формулировки собственных желаний.

5.2. Представления о бессознательном и символической способности человека, изложенные в теории Ж. Лакана

Жак Лакан (французский психоаналитик лингвистического направления) опирался на теорию языкознания, предложенную Ф. де Соссюром. В своих работах Ж. Лакан утверждает, что подобно тому, как язык работает как система, общество действует посредством взаимосвязанных знаков, ролей и ритуалов. Такой порядок, целостный и обладающий внутренней структурой, Лакан называет «символическим порядком». Эдипов комплекс, то есть любовь ребенка к родителю противоположного пола и связанные с этим чувства мысли, аффекты, представления, а также негативные чувства агрессии к соперникам – другим членам семьи, «разрешаются» как «вхождение» в символический порядок, язык, закон и правило Отца¹. Это «вступление» в социальный символический порядок обеспечивается овладением речью. Одновременно происходит усвоение правил общественной жизни.

Можно привести пример, поясняющий эту идею. Сюжет одной шуточной телевизионной рекламы изображает события, происходящие в семье. В семье появляется новорожденный. Ситуация показана с позиции старшего ребенка – четырехлетнего мальчика. «Вхождение в символический порядок Отца» обыгрывается для старшего ребенка как процесс его отождествления со своим реальным отцом через действие. На время забытые близкими женщинами, которые нежно «воркуют» над новорожденным и умиляются видом его пинеток, отец и сын осознают свою идентичность: теперь они «друзья по несчастью». В результате ребенок делится с отцом кусочком шоколада.

¹ Язык Отца – понятие Ж. Лакана, в котором подчеркивается особая роль не образа реального отца, а роль его символического имени и связанных с ним системных языковых правил.

Язык, в качестве символического порядка, составляет вселенную ребенка. Этот порядок проникает в бессознательную психику, структурируя её тем же способом, которым структурирован сам язык. Овладение языком означает приобретение психики, которая отстроена в соответствии с символическим порядком, законом и языком Отца.

Если З.Фрейд дифференцирует «Оно», «Я» и «Супер (Идеал) – Я», то «структурный психоанализ Жака Лакана выделяет в психике слои реального, воображаемого и символического¹. Первоначально «Я» ребенка не отчленено от окружающего мира, тождественного телу матери. Выделение из мира, отделение от материнского тела, образование «Я», противопоставленного «не-Я», оказывается нарушением исходного психологического равновесия и источником психической драмы для индивида. Стремление заполнить возникший «зазор» («зияние») Лакан называет потребностью. Когда человек говорит, он символически создает нечто, заполняющее собой «зияние», но этот процесс не имеет конечного завершения.

Реальное – это сфера недифференцированной потребности. Оно постоянно присутствует в психике человека, но вместе с тем абсолютно иррационально, недостижимо для научного исследования или самонаблюдения. Воображаемое – это сфера индивидуального Я, образ самого себя, личной самоидентификации. Оно призвано защитить человека от всяких потрясений, поэтому создает образ Я, который устраивает индивида и делает его устойчивым в отношениях с миром и партнерами по коммуникации. В этом смысле воображаемое есть область заблуждений человека относительно самого себя, где правит логика иллюзии. Подлинное стремление человека нацелено на слияние с миром. Достичь слияния с миром – значит получить признание с его стороны, стать объектом желания других. Индивид принципиально зависим от окружающих его людей, обобщаемых Лаканом в понятии «Другого», носителя символического, - моё - комплексного субъекта, задающего кодовые правила языка и контексты, допустимые к толкованию с помощью социально признанных означающих. Символическое – совокупность социальных установлений, норм, предписаний, запретов. Человек застает ее уже готовой и усваивает в основном бессознательно. Символическое персонифицируется (воплощается) в фигуре «Другого», или «Отца», поскольку именно через «Отца» постигается порядок культуры, социальный закон. Символическое - область сверхличных, всеобщих социокультурных смыслов, задаваемых индивиду обществом, область бессознательного (или, пользуясь терминологией З. Фрейда, область бессознательной части Супер-Эго). «Субъект» у Ж. Лакана является не носителем сознания и культуры, а функцией культуры, точкой пересечения различных символических структур и приложения сил бессознательного», – пишет отечественный культуролог А.Ю.Новиков. Такова краткая характеристика топологической модели психики авторства Ж. Лакана, приведенная в учебном пособии для студентов «Культурология», вышедшем в Ростове-на-Дону под редакцией Г.В.Драча.

Процесс психоанализа, по Лакану – это процесс усвоения анализируемым субъектом своей истории (личностного мифа) в том виде, в котором она воссоздана адресованной к другому (психоаналитику) речью. Постлаканианцы² утверждают, что, ещё до овладения речью (т.е. до символической стадии) ребенок живет в семиотической (знаковой) стадии, которая позже подавляется символическим порядком Отца. В возвращении в семиотическую стадию скрывается потенция поэтической революции, подавляемой символическим порядком. «Семиотические» структуры, противопоставляемые в данном контексте «символическим» структурам, в качестве базисной модели имеют модель человеческого тела и смысловые контексты, совпадающие с телесными потребностями. Биологические

¹ Цит. по: Новиков А.Ю. Современные культурологические теории // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В.Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 64-65.

² Ярким представителем этого направления, к примеру, является философ и лингвист Юлия Кристева, сотрудница открытого в 2000 г. парижского Института структурализма.

потребности человека, в отличие от таковых потребностей животных, означаются «сковозь призму» их признания языковым коллективом, пользующимся данной системой знаков.

Жак Лакан утверждал, что при диалоге двух субъектов незримо присутствуют социальные законы, культурные нормы, характерные для данного общества. Эти нормы не позволяют сообщить истину, если истина противоречит усвоенному «закону Отца», то есть нравственным и культурным нормам, имеющим хождение в социуме. На страже истинного сообщения всегда стоит цензура социального происхождения. Цензура «производит» явление вытеснения. По Фрейду, культурно неприемлемые идеи и желания вытесняются в бессознательную психику. Вытеснению из сознания подвергаются две главные группы представлений и переживаний: сексуальные и разрушительно-агрессивные (в более сглаженной, «социально приемлемой» терминологии – «неприличные» и «подрывные» импульсы).

В процессе говорения вытеснение проявляет себя как несоответствие между означающим и означаемым, иными словами, как несоответствие между словесным символом и истинной идеей. Тем не менее, по Лакану, истина при диалоге двух субъектов все равно сообщается, но сообщается «между строк». Её открывают символы. Символ – это нечто, представляющее в переносном смысле что-то иное. В самом распространенном случае такими символами выступают ошибки речи и оговорки, а так же метафоры. «Имеющий глаза, чтобы видеть, имеющий уши, чтобы слышать, может убедиться, что ни один смертный не способен скрыть секрет. Если губы его молчат, то проговариваются пальцы его рук», – писал Ж. Лакан. «При оговорке кляп в устах говорящего ослабевает ровно настолько, чтобы имеющий уши услышал», – так Ж. Лакан оправдывал практическую действенность психоанализа.

Когда ребенок осваивает язык, он тем самым осваивает социальные нормы и правила. Ж. Лакан утверждает, что освоение языка есть «способ вхождения в символический порядок Отца». Итак, язык, как носитель символического – это прежде всего порядок; то, что занимает место «Сверх-Я», описанного З.Фрейдом, как усвоенной ребенком системы правил, моральных норм, оценок, культурно унаследованных от родителей. Значение языка в процессе антропогенеза состоит в его способности аккумулировать опыт и социальные нормы прежних поколений и передавать их следующим поколениям. Давно замечено, что новая власть всегда стремится ввести в обиходный разговор масс новую терминологию – «новояз», символически устанавливая тем самым новый социальный порядок.

Теория Ж. Лакана успешно описывает безумие человека как «отрицательную свободу его речи». «Безумцы», когда-либо существовавшие в человеческом обществе – это субъекты, которые, в наиболее общем определении, по каким-либо причинам отказываются пользоваться социально признанными кодовыми правилами речи. Безумцы нарушают правила «упаковки» индивидуальных представлений в социально нормированные языковые формы, в соответствии с языковыми контекстами, признанными социумом уместными к употреблению в данном случае. Чаще всего это происходит потому, что безумцы, по той или иной причине, больше не доверяют окружающим людям и, в их лице, всему обществу. Поэтому безумцы отказываются взаимодействовать с окружающим миром социально нормированным способом, то есть кодируя определенными означающими стереотипные означаемые, по образцу, установленному имеющими хождение текстами, получившими признание в данном обществе.

Таким образом, Ж. Лакан подчеркивал особое значение языка в формировании психики *Homo sapiens 'a*. Языковые правила, которыми руководствуется ребенок, осваивая язык, не создаются самим ребенком, а усваиваются им из языка «Другого». *Другой* (носитель языка), – это философская категория, но также и конкретный человек (конкретные люди). *Другой* не только определяет языковые правила грамматики, но также служит гарантом

уместности речей, произнесенных в данной ситуации (служит гарантом уместности дискурса¹). Иными словами, *Другой* служит примером социально одобряемых контекстов – того, о чем в данной ситуации вообще можно вести речь.

Основное желание говорящего субъекта – потребность в том, чтобы его желания признавались как достойные тем социумом (микросоциумом), на языке которого субъект говорит (на языке которого артикулирует свои желания). В области реального у ребенка имеется нужда (биологическая потребность), которую он формулирует согласно правилам речи, заимствованным у воспитателей (или родителей) – носителей языка. Формулируя запрос, ребенок, на самом деле, желает признания своих желаний. Это признание рассматривается им как проявление любви со стороны *Другого*, то есть носителя правил и норм языка, освоенных говорящим индивидом. Социализация, таким образом, тесно связана с освоением социально значимых текстов, или, другими словами, с формированием символического слоя психики (души). Воображаемое – сфера фантазий относительно устройства мира, которая позволяет переносить стрессовые ситуации с наименьшим ущербом для приспособления в обществе. По мере социализации (по мере освоения культурных текстов) воображаемое психическое видоизменяется в символическое.

5.3. Бессознательное и структуралистские воззрения К.Леви-Строса

По теоретическим представлениям антропологов-структуралистов, обычаи людей, их традиции, способы организации пространства, прочие культурные феномены и, в целом, общественная жизнь людей упорядочена в соответствии со структурами естественного языка. К. Леви-Строс предложил «рассматривать социальные факты не просто как вещи, а как нечто значащее, причем он призывал искать значение, как это делал З. Фрейд, и у таких фактов, которые на первый взгляд представляются случайными, бессмысленными, иррациональными». ² Реальность, по Леви-Стросу, может иметь скрытые значения, которые можно выявить по аналогии со структурами языка.

Язык является структурированной знаковой системой, он характеризуется логическим синтаксисом, то есть порядком внутреннего устройства, который отдельный человек хоть и не осознает, но, тем не менее, бессознательно применяет скрытые языковые правила. Зная правила, можно манипулировать знаками. По словам М.Н.Грецкого, логика внутренних связей может лишь частично совпадать с логикой выражений мыслей. Зная правила, общие и для естественного языка, и для некоторых установлений социальной жизни, можно перекодировать скрытые смыслы.

К примеру, уже несколько тысячелетий в иудаизме действует религиозный запрет на какую-либо практическую, трудовую деятельность в шаббат (шаббат – суббота, иудейский религиозный выходной день). Помимо явного значения – требования почитать в субботный день Б-га, это религиозное установление имеет и скрытый смысл: по примеру того усердия, с которым абсолютно ничего практического нельзя делать в субботу, в прочие дни недели следует так же интенсивно трудиться.

Другой пример структурно-системного выявления бессознательного смысла, стоящего за явным содержанием. Факт государственного признания украинских пособников фашистского оккупационного режима ветеранами войны, который мы наблюдаем на Украине в начале XXI века, не является, по существу, признанием самих идей гитлеровского режима. С позиций структурной антропологии, смысл данного феномена состоит больше в желании украинской государственности разотождествиться с многовековым правлением

¹ Дискурс – это речь, произнесенная в реальной жизненной ситуации (или речи разных субъектов при их взаимодействии).

² Цит. по: Грецкий М.Н. Структурализм К.Леви-Строса и проблема гуманизма // Французская философия сегодня. М.: Наука, 1989. С. 19.

«клятых москалей»¹, чем в пересмотре истории, новаторском объединении с фашистами. Здесь коллективное бессознательное определенной части украинского народа действует по принципу: «поскольку ты – мой враг, то твои враги автоматически становятся моими друзьями». Логические принципы подобной бессознательной семантики заимствуются из синтаксиса естественного языка.

Метод анализа подобных бессознательных структур общественной жизни был заимствован антропологами из структурной лингвистики. М.Н.Грецкий пишет: «Исследование с помощью структурно-семиотического метода осуществляется через анализ и синтез. Сначала в отдельных фрагментах какого-либо мифа выявляются повторяющиеся противопоставления (бинарные оппозиции) чувственных качеств, форм, действий и т.д., представляющих собой кодовые знаки; затем обнаруживаются трансформации, то есть варианты (например, симметричные перестановки) этих кусочков структуры, а также их перекодирование в других знаковых системах».² Это позволяет найти скрытый смысл за явными социальными фактами.

Отечественные этнологи С.А.Токарев и Е.М.Мелетинский указывают: «Основу структурного метода Леви-Строса образует выявление структуры как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях (т.е. структура понимается не просто как устойчивый «скелет» какого-либо объекта, а как совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и т.д. путём перестановки его элементов и некоторых других симметричных преобразований)».³

В дальнейшем, идей структурной антропологии нашли широкое развитие, – к примеру, в работах крупного французского социолога Пьера Бурдьё.

5.4. Представления о бессознательном К.Г. Юнга

Карл Густав Юнг – швейцарский психолог, врач, основатель аналитической психологии. В ранние годы находился под значительным влиянием З.Фрейда, но позже создал свою собственную школу аналитической психологии, называемую иначе «психологией самости». Принято считать, что Юнг «освободился» от пансексуализма, присущего Фрейду в определении бессознательного.

В психологии Юнга понятие «архетип» родственно понятию «инстинкт», но под инстинктами понимаются не врожденные поведенческие стереотипы, а врожденные первообразы, обуславливающие поведение.^{4, 5}

Юнг изменил значение термина «либидо». В своей работе «Либидо, его метаморфозы и символы» Юнг дает вместо описательного определения, которым пользовался Фрейд, определение генетическое (то есть рассматривает, каково происхождение либидо).

Юнг пишет, что «достаточно бросить беглый взгляд на многочисленные сложные функции, за которыми ныне правильно не признается полового характера, можно увидеть, что они первоначально (то есть эволюционно) являлись ничем иным, как расщеплением одного всеобщего влечения, связанного с инстинктом размножения. Как известно, в постепенно повышающемся ряду животных происходит важный сдвиг в принципах размножения: масса продуктов размножения, соединенная со случайностью оплодотворения, все более и более сокращается в пользу оплодотворения, совершающегося наверняка, и

¹ «Кляты москалей», в переводе с украинского – «проклятые русские», это любимое выражение украинских националистов.

² Цит по: Грецкий М.Н. Указанное сочинение. С. 32

³ Цит по: Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А.Токарев. В 2-х томах. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 19.

⁴ Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга. М.: ЭСИ, 1994. - 182 с.

⁵ Зеленский В. Аналитическая психология. Словарь. Спб.: Б.С.К. 1996, - 324 с.

более действительной защиты выводков. Отсюда перенесение энергии от производства половых клеток на создание механизмов привлечения и охранения выводков».¹

В более поздних работах Юнг не придает значения эволюционно сексуальному происхождению либидо, освобождаясь от влияния своего учителя З. Фрейда окончательно. Либидо, по К.Юнгу – название психической энергии вообще, а не энергии полового влечения, как в теории З.Фрейда.

Рассмотрим, как относится аналитическая психология К.Г.Юнга к функционированию врожденных детерминант поведения человека. Юнг является одним из создателей «глубинной» психологии, которая изучает так называемые глубинные сферы психики человека, среди которых главную роль играет бессознательное. (Помимо личного и коллективного бессознательного, к глубинным сферам психики, или эндопсихическим сферам, Юнг относит вторжения, аффекты, субъективные компоненты и память. Эктопсихические сферы, по Юнгу, – психические функции: ощущение, мышление, чувство и интуиция).²

Юнг наблюдал бессознательное своих пациентов, собственное бессознательное путем самоанализа, а также анализировал содержания мифов разных времен и народов, поэтические и научные тексты, средневековые алхимические трактаты, религиозные тексты и культы. Юнг обратил внимание на то, что содержание целого ряда образов совпадает, независимо от их источника.

В бредовых фантазиях пациентов, в грезах и снах здоровых людей Юнг увидел сходство с мифологическими, фольклорными сюжетами и с древними космогоническими (то есть относящимися к устройству вселенной) идеями. В этом материале проявляется, по мнению Юнга, содержание наиболее глубокого уровня человеческой психики – коллективного бессознательного, складывающегося из архетипов. Юнг и современные юнгианцы показали, что содержание спонтанно возникающих архетипических образов не зависит от времени и места проживания, пола, возраста, уровня образования и особенностей личной биографии людей, их продуцирующих.

Архетипы – это матрицы, «скелет», способ структурирования образов, появляющихся во сне, в грезах, фантазиях, произведениях искусства. Конкретное содержание образов «наполняется» уже реальностью, индивидуальным и групповым опытом. Архетипы основаны на врожденных первообразах. Первообразы имеются у младенцев в утробе матери. Еще до появления на свет ребенок сосет палец, при этом действии в его психике рождается некий чувственный образ. При соприкосновении с реальностью (после рождения) первообразы трансформируются в архетипические образы. Так же, как инстинкты животных, архетипы – результат предшествующего эволюционного опыта вида *Homo sapiens*. Архетипы подобны матрицам психических представлений, они стереотипны, а конкретное содержание архетипических образов может варьировать. Так как матрицы одинаковы, то и образы, навеянные архетипами, будут похожи у разных людей.

Совокупность архетипов была названа Юнгом коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное складывается из «обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений, изначальных образов бессознательного, совпадающих повсеместно и на протяжении всей истории повторяющимися мотивами», – излагает идеи Юнга отечественный лингвист Е. Шелестюк.³

К.Г.Юнг, как и ученые, работающие до него (Дж.Дж.Фрезер, Э.Тайлор, Л.Леви-Брюль), полагал, что невозможно понять, благодаря каким закономерностям возникают типические ряды образов с повторяющимися в определенных границах мотивами. Современные исследователи этой проблемы считают, что архетипические образы сходны

¹ Юнг К. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб.: изд-во Вост.-Европ. Инт-та Психоанализа. 1994. С. 138.

² Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология. Киев.: СИНТО, 1995. С. 45.

³ Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символов. // Вопросы языкознания. 1997. № 4.

потому, что 1) в психике человека есть часть, передаваемая по наследству, то есть генетически; 2) символизация, при которой возникают архетипические образы, происходит по правилам ассоциирования, которые свойственны для всех людей и представлены в языке в виде тропов - метафоры и метонимии. При этом для бессознательного ассоциирования характерны смещение, перемешивание частей и конденсация образов. Эти бессознательные процессы открыл З.Фрейд и впервые описал в своей работе «Толкование сновидений».¹

Смещение (сдвиг) – процесс, посредством которого один психический образ может символизировать другой. Посредством смещения индивид переводит интерес с одного объекта или вида деятельности на другой таким образом, что последний становится эквивалентом, заменителем предшествующего. Конденсация (сгущение) – процесс, посредством которого два или более образа объединяются, чтобы создать составной образ, наделенный смыслом, полученным от обоих. Пластическая репрезентация (перемешивание и лепка) – процесс, при котором комбинация частей образа, лишившегося целостности, предметности и обобщенности, рождает новый образ.

Архетипы всех людей, живших когда-либо на земле, идентичны потому, что процесс символизации сходных жизненных ситуаций, лежащих в основе архетипов, происходит по одинаковым правилам ассоциирования. Универсальность архетипов объясняется «единообразием фундаментальных и вечных интересов человечества» и единообразием человеческой способности видеть сходство и смежность между различными объектами.

Дополнительный материал. [Процессы смещения и сгущения, сопровождающие возникновение архетипических образов, аналогичны процессам возникновения языковых тропов - метафоры (смысл возникает как вариант, парадигматическая ось языка) и метонимии (смысл возникает как последовательность, синтагматическая ось языка). Пластическая репрезентация образа аналогична метонимическому дроблению языковых морфем и семантем до фонематических компонентов, происходящему как «соскок» с парадигмы на синтагму, перемешиванию и новому возвращению на парадигму. Языковые игры: каламбуры, загадки-шарады, анаграммы, и др. аналогичны изменениям, происходящим в образе при бессознательном процессе.

«Ассоциацией (в психологии) называется связь, самопроизвольно образующаяся при определенных условиях между двумя или более ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями и т.д.² Ассоциации основываются на существовании связей и закономерностей в объективном мире и являются их мыслительным отражением.

Эти связи могут быть объективными и тогда они включают:

а) импликацию - связь уподобляемых объектов, соответствующую связям сущностей объективного мира: вместилище-содержимое, материал-изделие, причина-следствие, исходное-производное, действие-результат, часть-целое, форма-содержание, признак-вещь, смежность в пространстве - следование во времени, место в пространстве - событие во времени и т.д. (Импликация - логическая операция, образующая сложное высказывание из двух высказываний посредством логической связки, соответствующей союзу «если, ...то...»);

б) «предметную симилиацию» - ассоциации сходства (общности) предметов и явлений объективного мира по наличным существенным признакам: сходства функции, формы, строения, местоположения, размера;

в) «перцептивную симилиацию» (синэстезию) - ассоциации сходства восприятия предметов и их свойств в разных модальностях, выявляемые механизмом вторичных ощущений, а так же сходства восприятия предметов и их свойств с абстрактными психическими сущностями. (Симилиация - уподобление, перцепция - восприятие);

Ассоциации могут быть субъективными, возникающими у отдельного человека из-за случайного соположения двух или нескольких явлений, когда-либо имевших место в его

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Алетейя, 1997. - 664 с.

² Цит. по: Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4.

биографии. Таковы ассоциации сходства по несущественным или субъективно устанавливаемым признакам между предметами и явлениями действительности», – пишет лингвист Е.В. Шелестюк.

Два основных типа объективного ассоциирования нашли свое отражение в языке как метафора и метонимия. Метафора и метонимия в языке отражают сходство и смежность явлений объективного мира. Обратимся к учебнику А.А.Реформатского «Введение в языковедение».¹

«Метафора – перенос наименования, основанный *на сходстве* вещей по цвету, форме, характеру движения (т.е. на сходстве материальных характеристик, воспринимаемых непосредственно органами чувств). Примеры метафор: гнездо птицы, «дворянское гнездо», гнездо – отверстие, в которое вставляется ось или стержень и т.д.

Метонимия – перенос названия, основывающийся *на смежности* предметов, т.е. соприкосании вещей во времени и пространстве. При метонимии меняется не только вещь, но и понятие нацело. Примеры пространственной метонимии: класс – первоначально название помещения, позже – название общности учеников, находящихся в этом помещении; бюро – шерстяная ткань, позднее – стол, покрытый такой тканью, позднее – помещение со столами, позднее – люди, работающие в таком помещении. Временная метонимия: одно после другого и процесс-результат. Таковы все отглагольные существительные. Первоначально: «прием студентов продолжен»; позже: «в этом году удачный прием», – указывает А.А.Реформатский.

Так как формы языкового переноса – метафора и метонимия – постоянно присутствуют в языке, то все люди, говорящие на данном языке способны к символизации по предложенному принципу. Сложные символы уже не несут свойств символизируемого, но, тем не менее, символизация происходит по принципу образования метафоры и метонимии -- основных языковых тропов. (Троп – слово или выражение, употребленное в переносном значении для достижения большей выразительности). Существуют и другие типы символизации по принципу действия таких языковых тропов, как синекдоха (вид метонимии), антономазия, плеоназм и др.

Синекдоха основана на смежности части-целого и признака-предмета. При синекдохе употребляют название большего в качестве меньшего или целого в значении части и наоборот. (Пример синекдохы «все флаги в гости будут к нам» или «к нему и птица не летит, и зверь нейдет»). Антономазия – замена имени собственного именем нарицательным и наоборот, замена нарицательного имени – собственным. Примеры антономазии: «сохатый» – вместо «лось», «Крез» – вместо «богач». Плеоназм – речевая избыточность, вкрапление в речь слов, ненужных со смысловой точки зрения. Примеры плеоназма: «самый лучший», «толпа людей»].

Дадим характеристику основным архетипам человека, описанным К.Юнгом.

Самым наглядным психическим первообразом, связанным с биологическим местом вида *Хомо сапиенс* в ряду млекопитающих, является архетип Великой матери. Этот образ двойственен. Великая мать выступает в земледельческом, мифологическом облики, с одной стороны, и одновременно в своей божественной, эфирно-бесплотной, девственно-непорочной ипостаси. В языках многих народов есть такие устойчивые выражения, как Родина-мать, мать-сырая земля. Само слово «Родина» по своему происхождению близко слову «рожать»; этот факт характеризует женскую природу родной земли. Человек рождается от женщины, и после смерти возвращается в лоно матери-земли, бессознательно воспринимаемой в женском облики. Архетип Великой матери порождает бессознательные представления о хтоническом (земельном) божестве. Символизация происходит по принципу схожести функций. Мать кормит ребенка и обрабатываемая земля «кормит» крестьянина.

¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 83 - 86.

Возможна другая цепь аналогий, которая также приведет к символическому отождествлению обрабатываемой земли и женщины. Сельскохозяйственный посев метафорически схож с физиологическим процессом оплодотворения. Интересно, что в период коллективизации, имевшем место в истории нашей страны, крестьяне со страхом ожидали не только обобществления земли, но и обобществления своих жен. Этот страх имел бессознательную природу, так как обрабатываемая земля обычно бессознательно отождествляется с женой, женщиной.

Антрополог, структуралист К.Леви-Строс пишет: «Переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением от частного к общему.»¹ В случае оперирования архетипическими сущностями в юнговском их понимании или индивидуальным бессознательным из той его части, которая одинакова у всех (символика тела, явлений природы, родительский и кастрационный комплексы), единичное и особенное является одновременно всеобщим. Символом этой идеи может послужить икона «Троица» кисти Андрея Рублева, в которой единичное, особенное и всеобщее могут быть выражены посредством местоимений «Я», «ОН», «ТЫ», «МЫ». Троичность и единичность у Рублева оказываются тождественными.

В архетипическом символизме субъективное и объективное слиты, не расчленены. Коллективное бессознательное – «это тот слой души, в котором человека перестает быть отдельным индивидом и его душа сливается с душой человечества – душой не сознательной, а бессознательной, где мы все одинаковы. Подобно тому как всем телам присуще анатомическое сходство – у всех людей есть пара глаз, пара ушей, сердце лишь с незначительными индивидуальными отличиями, также и души сходны в своей основе. На этом коллективном уровне мы уже не отдельные индивиды, тут мы все едины», – указывает Карл Густав Юнг.²

Еще один универсальный образ, связанный с творческим потенциалом человека – Вечный ребенок. Варианты этого архетипа – Вечный юноша и Вечная девушка. Биологическая природа этого архетипа заключается в принадлежности людей к существам, имеющим длительный период детства, во время которого можно играть (творить), не задумываясь о реальности, проблемы которой решают родители. Архетип Вечного дитяти выступает проявлением эволюционной принадлежности людей к существам, ведущим семейно-групповой образ жизни, его противоположностью служит образ Мудрого старца и Мудрой старухи. Родители, особенно отец, являются образами всех стихийных сил, готовых помочь или навредить ребенку. Отец в душе ребенка является образом Бога. Не случайно православная христианская молитва к Богу начинается словами «Отче наш». В архетипе Вечного дитяти отражается сущность человека как дитя богов, как Божьего посланника. Юнг полагал, что через архетип Вечного ребенка людям дано чувство судьбы и смысла существования.

Тень – ещё один широко распространенный архетип. Тень представляет собой образ всех тех качеств человеческой личности, признать наличие которых люди зачастую оказываются не в силах, из-за боязни разрушить воображаемое *Эго*, служащее целям психологической защиты. Тень, не будучи осознанной, как правило, проецируется на окружающих. В критические для исторического развития моменты Тень может проецироваться на социальную группу. Например, в годы Октябрьской революции в России, архетип Тени проецировался на буржуазию. Позже Тень, как имеющий широкое хождение архетип, проецировалась в нашей стране на кулачество, духовенство, меньшевиков, троцкистов, «врагов народа», «врачей-вредителей», «менделистов-морганистов», «фрейдистов», «новых русских» и т. д.

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология.

² Юнг К. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология. Киев: Синто, 1995. С. 42.

Одним из основных архетипов в психологии К.Г. Юнга выступает архетип Самости. Через архетип Самости в человеке от природы заложено стремление к духовному совершенству, к единству, целостности и самоактуализации. Архетип Самости отражает процесс личной эволюции, называемой Юнгом процессом индивидуации. Индивидуация – это выделение индивидуального сознания из слоя коллективного бессознательного. Процесс индивидуации также отражен в архетипах. К примеру, Великая мать символизирует бессознательное, Дитя – пробуждение сознания, Тень – оставшуюся за порогом сознания бессознательную часть личности, Мудрый старик и Мудрая старуха – архетипы, символизирующие гармонию сознательного и бессознательного, высший духовный синтез.

Юнг описал следующие свойства архетипов: бессознательность, универсальность, коллективность, глубина, автономность, нуминозность, генетическая обусловленность. (Исследованием работ Юнга занимался, в частности Э. Сэмьюэлз).¹

«Универсальность» архетипов – это способность архетипов любой конкретный индивидуальный опыт организовывать согласно структурам, уже заложенным в психике. Например, новорожденный ребенок не знает понятий «хорошее» («приятное»), «плохое» («болезненное»), «мать», но тем не менее новорожденный ребенок структурирует свой опыт в соответствии с образом Великой Матери, кормящей и дающей жизнь и одновременно лишаящей чего-то и пожирающей.

«Коллективность», как свойство архетипов, заключается в том, что они принадлежат к той части психики, которая является похожей, общей для всех людей. Некоторые первичные фантазии, вытекающие из архетипических образов, рождаются не из реальных переживаний конкретного индивида, а являются проекцией личности на коллективные переживания. Например, фантастические переживания катастрофы, потопа, мировой войны, могут появиться у людей, которые ведут исключительно спокойный и размеренный образ жизни и которые в реальной жизни никогда ни с чем подобным не сталкивались.

«Глубина» архетипов отражает их свойство образовывать самый основной, более не редуцируемый уровень бессознательной психики. Все образные системы и конкретные фантазии человека первоначально родились из первичных образов и могут быть упрощены до архетипов. Например, тоска по Родине метонимически отражает тоску по Великой матери, тоска по прошлому – это метафорические воспоминания о счастливом раннем детстве, в котором было достигнуто (в воображении) состояние гармонии с Самостью и т.д.

«Автономность» архетипов – это свойство архетипов порождать архетипические образы независимо, «без предупреждения», без видимой причины и без контроля со стороны сознательной психики.

Под «нуминозностью» Юнг понимал свойство собирательного характера. Нуминозность – фактор, не зависящий от произвольного акта воли, в случае переживания нуминозности субъект переживает впечатление действия трансцендентной (то есть выходящей за пределы опыта) силы, столкновения с мощью, заключающей в себе еще не раскрытый, влекущий и роковой смысл. Часто при столкновении с архетипической нуминозностью человек переживает религиозные (или «пиковые», в терминологии гуманистической психологии) переживания, как переживания присутствия смысла.

В различные периоды человеческой истории активизируются и начинают активно прорываться в сознание те или иные архетипические образы, выражающие «дух времени». Так, для европейского Средневековья характерен архетипический образ Страшной матери, или Ведьмы. Для этого времени характерно поклонение Деве Марии. Конкретные черты Девы Марии, такие как безграничная любовь, способность защитить, чистота, духовность, как и конкретное содержание любого архетипического образа, черпаются человеком из обыденности, окружающей действительности. Когда из представления об окружающих

¹ Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М.: ЧеРо, 1997. - 443 с.

женщинах средневековый европеец «отнимал» все положительные черты и переносил их на Деву Марию, то, что оставалось, принадлежало уже не реальной женщине, а ведьме. Юнг показал, что средневековая охота на ведьм – обратная сторона поклонения Божьей Матери.

Примером современного мифа является созданный уже в нашу эпоху миф о летающих тарелках. В нем отражается свойственный очень многим людям страх перед атомной войной.

Итак, аналогично тому, как инстинкты животных есть приспособления к самым общим и постоянным условиям окружающей среды, коллективное бессознательное осуществляет приспособительные реакции «на самые общие и всегда имеющиеся условия психологической, физиологической и физической природы». В работе «Душа и земля»¹ и в других своих работах Карл Густав Юнг пишет, что архетипы передаются по наследству вместе со структурой мозга. С одной стороны, архетипы формируют инстинктивное предубеждение, а с другой – являются самым действенным подспорьем в процессе инстинктивного приспособления.

Мы уже говорили о том, что человеку свойственно проецировать бессознательные содержания своей психики во внешний мир. Так, бессознательная проекция качеств человека на животных является причиной антропоморфизма (антропоморфизм - наделение животных человеческими качествами). Но проецироваться могут не только содержания личного бессознательного, но и содержания коллективного бессознательного. Например, в критические исторические периоды людям свойственно оживлять архетипический образ спасителя, мессии, который обычно и появляется в виде вождя, пророка или героя. Его появление порождают коллективные сверхиндивидуальные проекции.

В «Тэвистокских лекциях», в частности, К.Г. Юнг говорит о надындивидуальных проекциях, которые являются проявлением действия коллективного бессознательного. «Это отнюдь не пережитки прошлого, которые нужно просто перерасти; напротив, это компенсаторные функции, имеющие определенные цели и огромное значение. Они являются важным защитным механизмом в ситуациях, в которых человек склонен терять голову. Так, в ситуации паники, неважно, внутренней или внешне выраженной, происходит вторжение архетипов, что позволяет человеку реагировать инстинктивно-адаптивным путем, так, словно эта ситуация ему всегда была знакома: он реагирует так, как извечно реагирует весь род людской».²

5.5. Архетипы и мифологическое мышление

Бессознательная психическая деятельность современного человека западной цивилизации имеет много общего с психологией первобытных народов. В «критических» жизненных ситуациях наши современники обнаруживают реакции, характерные для архаичного, мифологического мышления и поведения. Таковы ситуации личных кризисов и общественных «катастроф», ситуации депривации (лишения) биологических, экзистенциальных и социальных потребностей: насилие, голод, влечение, страх, депрессия, одиночество.

В качестве защиты от переживания личных кризисов человек «уходит» в мир грез и фантазий. «Заменяющие действительность плоды фантазии, которая заступает место расстроенной функции действительности, носят ясные черты архаического образа мыслей» (К.Юнг).³

Образ жизни нашего современника, его судьба, а так же его мнения, установки, взгляды и ценности определяются неосознаваемым (или осознаваемым частично) личным мифом, который структурирован по тем же законам, что и мифы архаичного человека. Часто

¹ Юнг К.Г. Душа и земля.// К.Г.Юнг. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 136.

² Юнг.К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология. Киев.: СИНТО. 1995. С. 166.

³ Юнг К. Либидо, его метаморфозы и символы. Спб.: изд-во Вост.-Европ. Инст-та Психоанализа. 1994. С. 144.

сценарий личного мифа заимствуется из любимой книги или кинофильма (текста – в терминологии постструктурализма), судьба протагониста личного мифа повторяет судьбу главного героя.¹

Коллективные мифы современного человека, различающиеся степенью глобальности - христианство, коммунистическая идея, иные социальные утопии, фашизм, полтергейст, НЛО, технический прогресс, self-made men², психоанализ и прочие – не есть новое изобретение нашего времени. Мифы нашего времени повторяют, часто до мельчайших подробностей, идеи и сюжеты, которые волновали людей сотни и даже тысячи лет назад.

Так, по мнению крупного антрополога и философа М.Элиаде, «Коммунистический манифест» Карла Маркса «берет и продолжает один из величайших эсхатологических³ мифов Средиземноморья и Среднего Востока, а именно: спасительную роль, которую должен был сыграть Справедливый (в наше время – пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Фактически бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение всех исторических напряженностей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом Веке, который, согласно ряду учений, лежит в начале и конце истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудейско-христианской идеологией: с одной стороны – пророческой и спасительной ролью, которая приписывается пролетариату, и с другой – решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся решительной победой Добра», – пишет Э. Мирча в книге «Мифы, сновидения, мистерии»⁴.

Для мифологического мироотношения характерно разыгрывание сюжета мифа в индивидуальной жизни, подражание герою как образцу, личное участие в действии, инсценирующем «начало времени», «прорыв» течения земного времени, периодическое восстановление «истоков». Эти элементы мифологического мироотношения найдены М. Элиаде также в христианстве: «Для христиан центром религиозной жизни является драма Иисуса Христа. Имевшая место как историческое событие, эта драма сделала возможным спасение. Следовательно, есть только один способ обрести спасение: ритуально воспроизвести, повторить эту драму, высший ее образец, каковым является жизнь и учение Иисуса. Подобное религиозное поведение характерно для подлинного мифологического мышления... Религиозный опыт христианина основывается на подражании Христу как образцу, на литургическом повторении жизни, смерти, воскресения Господа и на одновременности жизни христианина и того времени, которое начинается с рождения в Вифлиеме и временно завершается Вознесением».

Индивидуальный путь взросления предполагает осознание личного мифа и освобождение от бессознательной «захваченности» индивида коллективными мифами. С другой стороны, человеческое отношение к событиям предполагает способность отождествиться с героями через переживание своей идентичности с другими людьми. Так, величайшая актриса XX века Лив Ульман так говорит об архетипических переживаниях, которые она отражает в своих ролях: «В своей работе я пытаюсь высказать общечеловеческое - то, что каждый может отнести на свой счет и посредством чего могу дать понять другим людям, что мы взаимосвязаны».⁵

Контрольная работа № 3 Сознание и бессознательное

¹ Калина Н.Ф. Тимошук И.Г. Основы юнгианского анализа сновидений. М.: Рефл-Бук, 1996. С.73-280.

² Расхожее английское выражение. Человек, который «сам себя сделал», то есть человек, который обязан своим социальным успехам исключительно своим собственным талантам и способностям.

³ Эсхатология - религиозное учение о конце света.

⁴ Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Рефл-Бук, 1996. - 285 с.

⁵ Ульман Л. Изменения. М.: Искусство, 1987. С.5.

I. Верно или нет?

1. Бессознательное – это не место и не вещь, это подавленная социальной цензурой часть сознания.
2. Бессознательное человека – это его животные инстинкты.
3. Бессознательное структурировано как язык, то есть действует посредством поэтических речевых фигур: метафор, метонимий, многозначных слов, созвучий, аббревиатур (сокращений по первым буквам).
4. Слово «сознательный» происходит от слов «знание» и «совместный». Оно обозначает знание, о котором один человек может рассказать другому так, что оба собеседника, в результате разговора, получают совместное знание.
5. Различные теории бессознательного акцентируют разные стороны его организации.
6. Различные теории бессознательного имеются в науке потому, что более ранние исследователи знали о бессознательном меньше, чем ученые, которые работали позже.
7. В основе теории К.Юнга лежат следующие предпосылки: исследования мифов и народных сказаний, средневековая мистика, алхимическая теология, труды биологов-виталистов.
8. Универсальный символизм бессознательного у разных народов связан с обладанием телом *Homo sapiens*'а, прохождением одинаковых стадий онтогенеза, стандартными ситуациями социализации.
9. «Вторжения» коллективного бессознательного могут привести к коллективному безумию: поиску «врагов народа», стремлению к тотальному разрушению и отрицанию опыта прежних поколений, националистическим и религиозным войнам.
10. Если человек получил серьезную травму, то в дальнейшем он часто вновь воспроизводит похожие условия, для того, чтобы наконец-то «проиграть» травму, с более успешным завершением событий, и забыть о ней.
11. Поскольку бессознательные душевные движения безотчетны, люди не несут за них ответственности перед другими людьми.
12. Иногда бессознательное порождает обобщения, называет разные вещи одним именем по принципу: «что на что похоже, то оно и есть».
13. Если проявление агрессии к обидчику может повлечь за собой социальные санкции, то возможен, в похожей ситуации, бессознательный перенос агрессии на постороннего человека, носящего такое же имя, как и обидчик. Собственное имя выступает в данном случае образцом многозначного слова, механизм действия бессознательного – смещение и сгущение.

14. Привычные в каждодневной жизни объекты внешнего мира и слова (например, личные имена), стереотипные действия, отработанные до автоматизма профессиональные навыки – это то, чем «наполнено» наше сознание в большей мере, чем бессознательное.
15. Идея, или содержание переживаний какого-либо человека, или побуждение к действию, обреченные в форму высказывания (в словесную форму), всегда сознательны. В них нет никакой бессознательной части.
16. В любом высказывании есть бессознательная часть. Это: 1) интонация, которая может соответствовать или не соответствовать принятому социальному стандарту, то есть быть уместной или неуместной; 2) неосознанное цитирование, заимствование содержания речи от какого-либо значимого в прошлом лица (социальная интроекция); 3) содержания, возникающие от восприятия звучания произнесенной речи; смыслы близких по созвучию слов; 4) «наведенные» содержания, то есть те содержания, которые имелись в прошлом при восприятии подобных высказываний и т.д.
17. Отношения между сферами (частями) психики «Оно», «Я» и «Супер-Я» – это нейрофизиологические отношения между отделами головного мозга человека. Так, между корой и подкоркой головного мозга действуют связи, имеющие отношение к частям психики, называемым «Я» и «Оно», которые, в свою очередь, также связаны с нейронными областями, ответственными за восприятие речи и представляющими собой сферу «Супер-Я».
18. Отношения между «Я», «Оно» и «Супер-Я», действующие в психике социализированного индивида, представляют собой отражения тех социальных отношений, которые имелись в прошлом между этим индивидом и близкими ему людьми.
19. Воображаемое, по мнению французского ученого Ж.Лакана – это ограничивающая человека совокупность его фантазий относительно возможностей и характеристик собственной личности, «тюрьма иллюзий, в которой ложные отождествления обманывают субъекта, предлагая ему целостность, не являющуюся истинной». Эта целостность – память об удовольствии, имевшем место в детстве, при восприятии собственного зеркального образа, который, по мнению ребенка, был наделен мнимым всемогуществом, подобно зрительному образу взрослых, которые ухаживали за малышом. Возрастная трансформация зеркального зрительного образа соответствует воображаемому «Я».
20. Часть психики, называемая в психоанализе «Я» – это сознание.
21. В «Я» есть бессознательная часть – это совокупность тех социальных отождествлений индивида, которые имеются и действуют, побуждая индивида подражать их носителям из внешнего мира. Признать действие этих отождествлений индивид не может, так как его сознание занято на данный момент другим содержанием. Индивид может не осознавать некоторые части своего «Я» из-за социальных запретов на подобные отождествления, или потому, что желает казаться самому себе (своему «Супер-Я») лучше.
22. Ранние детские впечатления индивида играют особую роль в его дальнейшей жизни, поскольку позже выступают классификаторами (то есть примерами для сравнения) при

переживании подобных ситуаций. Жизненные ситуации расцениваются как аналогичные по следующим показателям: 1) одинаковое травмирующее действие; 2) аналогичный повод для гордости своими достижениями; 3) имеется второстепенный, с точки зрения настоящего времени повод, который имел большое значение в детстве. Несмотря на потерю значения в настоящее время, этот повод продолжает оказывать влияние «по старой памяти», из-за временного или пространственного соположения (метонимия) или сходства (метафора), по отношению имеющейся в настоящее время ситуации. Иными словами, рассказ о ситуации из прошлой жизни ведется постольку, поскольку в речи создаются метафора или метонимия к описанию нынешней, значимой ситуации. Различная действительность уравнивается на основании смысла поэтических фигур текста, в котором индивид рассказывает другому человеку об этой действительности.

23. Реальность архетипов коллективного бессознательного подкреплена символами и текстами данной культуры.
24. Если фильм или книга оказали на кого-то особое влияние, это значит, что переживания героев или общая ситуация повествования напоминают индивиду об актуальных проблемах или об основании для особой гордости из собственной жизни в настоящее время.
25. Рассказывая о чем-либо другому человеку, мы создаем символическую действительность, в которой нынешние проблемы, как правило, решены лучшим образом. Иногда решение проблем обнаруживается по ходу повествования, в результате достижения логического порядка. Также повествование может вестись из желания продемонстрировать самому себе и слушателю нашего повествования, что наши идеи похожи на идеи слушателя. Таким образом осуществляется самоотождествление индивида с социумом (микросоциумом), говорящим на этом же языке.
26. Аутоидентификация (самоотождествление) выполняет следующие приспособительные функции: 1) защищает от одиночества; 2) позволяет личности чувствовать поддержку части социума, пользующейся подобным же языком общения в похожих ситуациях; 3) позволяет личности не заботиться о морально-этической оценке ситуации, освобождает «Я» от контроля, то есть от критического воздействия «Супер-Я» на психику человека, со всеми её способами социального приспособления, сложившимися в онтогенезе и составляющими «Эго».

Тема 6.

Человек в состоянии первобытности. Появление сознания

6.1. Магия – мироощущение первобытных

В жизни верхнепалеолитических людей и представителей современных архаических обществ необычайно большую роль играет магия. У первобытной магии три основные функции. Во-первых, магия – первооснова духовной культуры, древнейшее верование. Во-вторых, – совокупность практических действий, обеспечивающих успешность охоты, благосклонность природы, служащих единению социума. В-третьих, магия – это особый суггестивный комплекс, способ существования в измененном состоянии сознания в некой воображаемой реальности, которая полагается как реальность действительная.

В основе магического мышления лежит представление людей о том, что знаковая форма и содержание едины «от природы». Воздействие на форму, в таком случае, равно

воздействию на содержание. Иными словами, в первобытном мышлении не различаются функции означающего и означаемого. Означающее (в первобытной и бессознательной психике) – и есть та идея, которую данное означающее выражает.

Известный английский религиовед и этнолог Джеймс Фрезер (1854 - 1941) в работе «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» отмечает, что магическое мышление основывается на «законе симпатии». «Закон симпатии» утверждает: следствие похоже на свою причину.

Антропологи и этнографы, исследующие обычаи «дикарей», различают гомеопатическую магию и контагиозную магию. Гомеопатическая магия предполагает, что подобное производит подобное и часть равна целому. Контагиозная магия включает колдовские приемы, которые основаны на представлении, что вещи, которые пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии. Наиболее привычным применением принципа «подобное производит подобное» является предпринимавшиеся многими народами в разные эпохи попытки нанести вред врагу или погубить его путем нанесения увечий его изображению. Так, магический принцип «часть равна целому» применяется индейцами Сев. Америки, которые верят, что если нарисовать чью-либо фигуру на песке и проткнуть ее палкой, можно причинить вред изображенному лицу.

Принципы магического мироотношения находят применение в искусстве. К примеру, подобная идея прослеживается в фильме А.Тарковского «Иваново детство», в котором герой стреляет из воображаемого автомата по фотографиям Гитлера.

«Методологической» основой магии и шаманизма выступают представления, лежащие в основе языковых торопов: метафоры, метонимии и синекдохи. И в магическом мышлении, и в закономерностях, по которым построены языковые переносы, часть равна целому, причина – следствию, сходство внешнее порождает сходство внутреннее, соположенные во времени и пространстве вещи оказываются связанными причинно-следственными отношениями и т.д.

Аналогами первобытной магии в наше время является колдовство и шаманизм. В строгом смысле слова и первобытную магию, и шаманизм религией назвать нельзя. По крайней мере два признака отличают магию и религию. Во-первых, религия предполагает веру – в Бога, богов, или духов, которые обладают свободной волей. Верующий может «упросить» молитвой или ритуальными действиями Бога или силы природы (духов) к благосклонности. Результат все равно зависит от «желания» высших сил. Иное дело – маг. Верующий утверждает: «Да будет воля Бога», маг утверждает: «Да будет воля моя». (Христианская религия тоже утверждает, что человек может поступить по-христиански или не по-христиански, и в этом смысле он свободен, но все равно «упование на Бога» – одна из основных христианских добродетелей). Второе отличие магии от религии заключается в том, что магия всегда одновременно и действие. Без активных манипуляций, демонических движений, бормотания, пения заговоров магии не существует.

Абстрактное постижение мира основывается на чувственном постижении. Ребенок, как и первобытный человек, не способен идеально усвоить мир, если он оказывается лишен способности проявить моторную активность. Образы окружающего мира возникают при движении, в близко представимом или отдаленном действии. Руки древнейшего первобытного человека, освобожденные от функции опоры, не совершали заранее запланированной работы. Руки проигрывали движения и их комбинации. Только после того, как в фантазии, в воображаемой реальности обиходные, осязательные, хватательные движения были проделаны огромное количество раз, стали возможными заранее спланированные, реальные, рабочие движения.¹

¹ По материалам: Шкуратов В.А. Культурогенез // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В.Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

Слово «шаман» относится к одному из дальневосточных языков и означает глагол «знать». Слово магия в переводе с греческого означает «волшебство». (Слова русского языка «знахарь», «ведьма» – имеют схожее значение). Шаманизм возник в палеолитической охотничьей культуре во время разложения родового строя и отражает, в частности, эволюцию зооморфного облика богов к антропоморфному. Шаманизм существует и по сей день. Шаманизм имеет крайне широкое географическое распространение: известен и в североамериканских прериях, и в африканских саваннах, и в сибирских тундрах, и в австралийских пустынях, и в горах Тибета. В каждой культуре шаман (маг) выступает посредником: между миром людей и животных, между культурой и природой, между миром живых и миром мертвых, между людьми и божествами и демонами. Повсеместно одинаковы основные идеи и техника магии (шаманизма): обязательное посвящение в магии (колдуньи, шаманы), тайное (сакральное) знание и транс (измененное состояние сознания).

Магия в первобытном обществе репетирует овладение добычей и имеет еще целый ряд практических функций: лечебную, пророческую, жреческую и др. Очень важна функция шамана как хранителя законов, обычаев, традиций, преданий и мифов. Для шаманского искусства свойственны такие проявления паранормального, как ясновидение, умение правильного истолкования «знамений» природы. Для магических (шаманских) видений необходимо особое состояние транса, которое достигается во время камланий с помощью различных средств, воздействующих как на самого шамана, так и на присутствующих на церемонии людей. (Примером узаконенного обществом шаманизма, имеющего хождение в наше время, могут послужить телесеансы Анатолия Кашпиоровского).

Важнейшие магические приемы – ритуальные танцы, характеризующиеся не только сакральным содержанием, но и определенным ритмом; внушение и самовнушение; употребление галлюциногенных снадобий. Обычным содержанием видений шамана является воплощение в нем его духа-покровителя и путешествие в иные миры. Психологическое объяснение феноменов шаманизма (магии) заключается в привлечении понятия бессознательного. Возможности человеческой психики гораздо шире, чем принято полагать. В бессознательной психике хранится память обо всех событиях, с которыми человек сталкивался когда-либо в жизни. Бессознательное мышление (интуиция) шире логического мышления и филогенетически древнее. Магическое мышление оперирует не только рациональной и логической составляющей интеллекта человека, но и чувственной и интуитивной.

6.2. Функции первобытного ритуала.

Большинство современных исследователей связывают возникновение вечеревого общения, изобразительного искусства, пения, танцев с исполнением первобытным человеком ритуальных действий. Точно так же, как язык является символической системой, построенной по определенным правилам, ритуал представляет собой систему символических актов, которая тоже строится на основе определенных правил.

Ритуал – это совокупность обрядовых действий, специфический тип поведения, который возник во времена палеолита и сохраняет свое значение в современном обществе. В соответствии с функциональным теоретическим подходом к сущности ритуала, «ритуал рассматривается как адаптационная реакция человека на воздействие окружающей социальной и физической среды».¹

В современности, ритуал – это то, что мы называем обрядом, обычаем, праздником, игрой. Например, такой славянский ритуал, как масленица, символизирует собой проводы зимы, победу вечной жизни над смертью. Одно из ритуальных действий этого праздника заключается в сожжении чучела, олицетворяющего зиму (здесь ритуальная семантика

¹ Цит. по: Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С.376.

«действует» по правилу «часть равна целому»). Украшение дерева на Новый Год - обряжение - имеет целью вызвать благосклонность духа дерева. Ритуал инсценирует событие, представляет его натуралистически. При этом у людей, участвующих в ритуальных действиях, возникает иллюзия причастности, способности управлять событиями.

Так, палеолитическое искусство времен мадлена (15-10 тыс. лет назад) служило принадлежностью охотничьего ритуала. Особенность мадленской пещерной живописи – предельно натуралистический характер. Условных, обобщенных рисунков нет, изображения индивидуализированы и имеют точные детали. Образы лошадей, мамонтов, бизонов скорее фотографически запечатлены, чем эстетически обобщены. Художник рисует то, что видит в данный момент. Мадленский художник еще не способен к сюжету, композиции. Фигуры размещаются хаотично, динамической связи между ними нет. Полагают, что эти особенности изобразительной деятельности отражают и психические особенности жителей палеолита, поскольку они не были способны к организации связной картины мира. У них не было даже самых простых представлений, которые есть у первобытных этносов нашего времени, представлений об устройстве мира по схеме: верх (небо), середина (земля) и низ (подземное царство).¹

Существует множество теорий, объясняющих появление первобытного ритуала. Одна из наиболее распространенных в отечественной литературе теорий утверждает, что основной функцией ритуала было «изживание» воздействия окружающей среды на первобытного человека, рациональные (логические) способности которого были сильно ограничены. Поэтому свои впечатления первобытный человек выражал не в языковых понятиях, которые можно донести до соплеменников, а в движениях, музыке, танцах.

Другая группа теорий, объясняющих функции ритуала, рассматривает ритуал как способ регуляции отношения человека к священным и обыденным событиям. Роль палеолитических искусств в жизни людей исследуют по аналогии, построенной между архаическими исчезнувшими культурами и современными первобытными этносами. Для архаической модели мира свойственна так называемая все-сакральность², «безытность» мира.

Согласно представлениям первобытных, причинно-следственные отношения характерны только для сакрализованного мира. Профаническое, в частности быт, с точки зрения архаической психологии, причастно хаосу, сфере случайных событий. Безопаснее жить в мире, подчиняющемся закономерностям, чем в мире, в котором «правит» случай. Способом поддержания упорядоченного состояния («космоса») в архаичных коллективах выступает ритуал. С помощью ритуала первобытные поддерживают «мировой закон», то есть единый принцип управления природой, культурой, социумом. Исполняя ритуал, первобытные люди препятствовали десакрализации (лишению священности) мира, препятствовали возрастанию хаотического начала в нем. У современных архаичных коллективов ритуальные праздники занимают иногда больше половины всего времени бодрствования.

Исполнением ритуала достигался высший уровень сакральности и, одновременно, обреталось чувство наиболее интенсивного переживания сущего, жизненной полноты, собственной укорененности. Исполнение ритуала предполагает участие в нем не только всех членов коллектива, но и использование всех способов выразительности – речи, языка жестов, хореографии, пения, музыки, цвета.

В первобытную эпоху существовала функционально единая художественная деятельность, из которого позже возникли отдельные формы первобытной культуры. По

¹ По материалам: Шкуратов В.А. Культурогенез // Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В.Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 145-148.

² «Сакральное» означает «священное», наполненное особым смыслом, значение этого слова употребляется в противовес слову «профаническое», то есть обыденное, бытовое.

словам П.А. Флоренского, изобразительные искусства первобытных были частью более полного и более серьезного искусства – Богоделания (Феургии). Феургия ставила задачу наделения действительности смыслом и реализации этого смысла.

(К примеру, К.Юнг описывает следующим образом ритуал американских индейцев пуэбло, которые живут в гористых местностях. Индейцы совершают свои обряды для того, чтобы солнце ежедневно вставало над горизонтом. «Мы - тот народ,- сказал индеец пуэбло, - который живет на крыше мира, мы - дети солнца, и, совершая свои обряды, мы помогаем нашему отцу проходить по небу. Если мы перестанем это делать, то через десять лет солнце перестанет вставать. И тогда наступит вечная ночь»).

Итак, функция ритуала как в первобытном, так и в современном обществе заключается в том, что он регламентирует взаимоотношение людей с сакральным, служит «мостом», по которому осуществляется переход от обыденного к священному.²

Большинство ритуалов имеют в своем основании миф. Ритуалы подражательного типа можно рассматривать как разыгрывание первобытных мифов: сотворения мира, сотворения человека, деяния культурного героя. Другая группа ритуалов представляет собой ритуалы жертвоприношения. При жертвоприношении получателем даров чаще всего служит объект поклонения – будь это персонифицированные силы природы, духи или боги. Третья группа ритуалов – ритуалы жизненных кризисов. Такие ритуалы регламентируют поведение человека во время перехода от одной стадии жизни к другой. К этому типу относятся ритуалы, связанные с рождением, инициацией³ (вступление в статус полноценного и половозрелого члена общины), заключением брака, смертью. Ритуалы инициации, как правило, разыгрывают символическую смерть, за которой следует возрождение.

Сходство ритуалов первобытного и современного человека, а также сходство ритуалов представителей различных этносов указывает на единство коллективного бессознательного, на символизме которого и построены ритуалы. Сходные мотивы и темы встречаются в ритуальной символике народов, отстоящих далеко друг от друга в культурном и географическом отношении.

Психологическое значение ритуалов заключается в том, что разыгрывание ритуала является психологическим защитным действием: ритуалы успокоительно влияют на личность, уменьшая стресс. Ритуалы как бы являются моделью поведения: они показывают людям, как нужно поступать, и, одновременно, укрепляют эмоциональные связи индивидуума с социумом. По словам антрополога Бронислава Малиновского, ритуалы психологически и символически «служат мостом над опасными безднами во всяком серьезном деле или критической ситуации». В этом понимании функции ритуала идеи Б.Малиновского близки идеям К.Юнга. Юнг раскрывает адаптивную функцию архетипов как человеческих инстинктов.

6.3. Особенности первобытной психики

В антропологии давно ставился вопрос обусловленности отражения внешнего мира особенностями того общества, в котором человек живет, особенностями языка, степенью развития техники и т.д. Вопрос ставился таким образом: одинаковы или различны механизмы отражения реальности у первобытного и современного человека? Есть ли существенная разница между мышлением современного и первобытного человека? Под первобытными понимались «примитивные» народы, не достигшие высокой степени развития техники.

¹ К.Юнг. Воспоминания, сновидения, размышления.

² По материалам: Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 658-659.

³ Инициация – ритуал, обозначающий

Существуют две крупные антропологические школы, отвечающие на этот вопрос по-разному. Английская антропологическая школа, основателем которой был Эдуард Бернетт Тайлор (автор книги «Первобытная культура», опубликованной в 1871 г.), стояла на позициях тождества механизмов психической деятельности у первобытного и современного человека. Английская антропологическая школа рассматривала этнографию как отрасль естествознания. Первобытные культуры рассматривались Тайлором как культуры, прошедшие более короткий эволюционный путь в сравнении с западной культурой. Тайлор считал, что у современного западного человека знания о мире и опыт больше, чем у примитивов, но умственные операции, приемы мышления тогда и сегодня совершенно одинаковы.

Вот что пишет об «эволюционном» подходе к антропологии К.Леви-Строс: «Эволюционное направление в этнологии¹ является отражением биологического эволюционизма. Западная цивилизация представляется как наиболее продвинутый тип эволюции человеческих сообществ, а первобытные группы – как «пережитки» предыдущих этапов, логическая квалификация которых послужит тем самым выяснению порядка их возникновения во времени. Однако задача не столь проста: эскимосы, искусные в изготовлении орудий, очень примитивны с точки зрения их социальной организации; в Австралии же наблюдается обратное положение».

Клод Леви-Строс так определяет задачи этнологии: «...изучая один и тот же предмет - социальную жизнь, история и этнология выбирают точки зрения, дополнительные по отношению друг к другу: история обобщает данные относящиеся к сознательным проявлениям общественной жизни, а этнология - к ее подсознательным основам».

Далее он пишет: «...своеобразие этнологии связано с бессознательным характером коллективных явлений. ...Нет никакого сомнения, что бессознательные причины выполнения какого-либо обряда или причастности к какой-то вере очень далеки от тех, на которые ссылаются, чтобы их оправдать. Переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением от частного к общему. В этнологии, как и в лингвистике, не обобщение основывается на сравнении, а напротив, сравнение на обобщении. Если, как мы полагаем, бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой и если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного - как это блестяще раскрывается при исследовании символической функции в том виде, как она выражается в языке, - то необходимо и достаточно прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев».

Французская социологическая школа, возникшая в начале XX века, представлена Эмилем Дюркгеймом, Люсьеном Леви-Брюлем и др. учеными. Эта школа стояла на позиции, совершенно противоположной представлениям Тайлора, считая, что «даже в самом повседневном восприятии простейших предметов обнаруживается глубокое различие, существующее между нашим мышлением и мышлением первобытных людей».

В обеих концепциях была «своя правда». В человеческой психике есть часть, не изменившаяся в процессе исторического развития человеческого общества, как это полагал Тайлор. В то же время некоторые психические процессы, функции и состояния современного человека значительно отличаются от таковых у первобытного человека. Первобытный способ отражения действительности во многом похож на современный, но имеется и ряд отличий.

¹Этнография – наука, изучающая состав, происхождение, расселение и культурно-исторические взаимоотношения народов мира. Этнология – наука, изучающая особенное и общее в общечеловеческих культурных и психологических закономерностях.

Современный человек западного общества более сознателен, чем человек периода позднего палеолита или представитель примитивного общества. Сознательными будем называть такие проявления психической деятельности, в которых человек отдает себе отчет, которыми он может поделиться с другими людьми. (Со-знание – это совместное знание). Для того, чтобы сообщить о чем-либо другим людям, необходимо обобщить передаваемую информацию, иначе отнести ее к какому-либо классу. Поэтому сознание тесно связано с функцией обобщения.

В процессе общения люди западного общества пользуются преимущественно понятийными значениями слов. Понятия сообщают только существенные и постоянные признаки явлений или предметов, отсекая второстепенные (с точки зрения смысла передаваемого сообщения) признаки. Понятия тесно связаны с языковым мышлением.

Первобытные люди и люди восточного общества широко используют комплексные значения слов (символы), которые обладают промежуточным статусом между образами и понятиями. Таковы, например, китайские иероглифы. Понятие «большой» в китайском иероглифическом написании обозначается значком, напоминающим фигуру человека с широко раскинутыми руками.

Данные нейропсихологии показали, что контекстуальные значения слов приурочены к функционированию правого полушария мозга, а понятийные значения отдельных слов – к работе левого мозгового полушария. Психика больше сознания. Та часть бессознательной психики, которая связана с языком, тоже различна у современного человека и человека первобытного (так как различны языки). Но в бессознательной психической деятельности есть часть, которая одинакова у всех людей, когда-либо живших на земле. Первобытная психика – это психика представителей «архаичных» обществ, психика «примитивов». Психология людей времен позднего палеолита имеет больше общих черт с психологией «примитивов», чем с психологией представителей современных западных цивилизаций.

Дадим характеристику души «первобытного» человека. Психология первобытных во многом похожа на психологию ребенка. Мыслительные операции первобытных людей имеют сходство с мышлением невротика и психотика. Это относится, в частности, к использованию парадоксальной логики, к чередованию (рекомбинации) означаемого и означающего при употреблении символов (бриколаж) и в смыслопорождении посредством означаемого. В психологии «обыденной жизни» представителей современных западных цивилизаций имеются все существующие «архаизмы», характерные для первобытной и патологической психики. Эти «первобытности» и патологические способы отражения закреплены и могут в любой момент «всплыть» в психике потому, что аналоги «первобытностей» представлены в языке, например, в виде языковых тропов: метафоры, метонимии, синекдохи, и др.

Рациональная психология (сознание) связана с одним типом мышления, основанного на «аристотелевской» логике. При этом используются операторы «И», «ИЛИ», «НЕ», которые обеспечивают функционирование логических законов тождества, непротиворечивости и исключенного третьего. Бессознательная часть психики современного человека, как и психика первобытного, связана с мышлением, опирающемся на множественность логик, в которую аристотелевская логика входит в качестве одной из возможных.¹

Клод Леви-Строс описал следующие специфически первобытные формы мышления: «наука конкретного», «бриколаж», «тотализирующее мышление». Наука конкретного – это классификация (внутри одного кода) с употреблением «символов» вместо понятий. Бриколаж – употребление одних и тех же реалий то в качестве означаемого, то в качестве означающего, использование для означивания ограниченного набора «подручных средств»,

¹ По материалам: Грецкий М.Н. Структурализм К.Леви-Строса и проблема гуманизма // Французская философия сегодня. М.: Наука, 1989.

которые, в зависимости от ситуации, могут быть то означающими, то означаемыми. К. Леви-Строс указывал, что элементы мифологической рефлексии расположены на полпути между перцептами (чувственными образами) и концептами (содержательными понятиями). Бриколаж подразумевает опосредование между образом и понятием знаком, точнее, замещение понятия знаком, что составляет особенность мифологического познания и логику первичного мышления. Большую образность мышления первобытных можно противопоставить большей понятийности мышления человека современной западной цивилизации.

Бриколаж, кроме того, подразумевает так называемое *«плавающее означающее»*, которое ассимилирует любой факт или суждение и открывает возможности для поэтической мифологической и иной символики, а также *«утопленное означаемое»*, которое хотя и задается означающим, но при этом не познается, не определяется и не реализуется... Мы имеем дело со значением, лишенным самим по себе смысла и, следовательно, способным принять на себя любой смысл, то есть со значением, чья уникальная функция заключается в заполнении зазора между означаемым и означающим», – пишет французский философ и психоаналитик Жиль Делёз.

Тотализирующее мышление подразумевает иерархию и логическую обусловленность символических форм, принадлежащих разным кодам (классификаторам).

Основные операции рационального мышления – это процедуры, направленные на выявление сходства-различия, обобщение-конкретизацию и расчленение-соединение. Они осуществляются в первобытном мышлении с помощью так называемых природных классификаторов, с помощью соотнесения явления не с понятием, выражающем это явление, а с иконическим символом. Классификаторы являются своего рода символами, то есть специфическими единицами мышления, обладающими промежуточным логическим статусом между конкретно-чувственными образами и абстрактными понятиями.

Логическая ось общее-частное в первобытном мышлении не выделена в качестве самостоятельной формы (понятие), и воспроизводится неотъемлемо от семиотической оси природа - культура.

Употребление символов отражает такие операции, происходящие при переходе бессознательного в сознание, как сгущение (конденсация) и смещение (сдвиг). Смещение - процесс, посредством которого один психический образ может символизировать другой. Посредством смещения индивид переводит интерес с одного объекта или вида деятельности на другой таким образом, что последний становится эквивалентом, заменителем предшествующего. Сгущение - процесс, посредством которого два или более образа объединяются, чтобы образовать составной образ, наделенный смыслом, полученным от обоих. Первобытные ритуалы представляют собой символические действия, основанные на смещении и сгущении. Употребление символов в ряде случаев экономнее, чем употребление понятий, так как из-за сгущения, характерного для символа, можно дать с помощью одного означающего целый ряд идей (означаемых), которые требуют для своего выражения несколько понятий.

Неопределенность знания о причинах того или иного явления заменяется в психологии первобытных людей верой в реальность социально нормированных мифических текстов.

Для архаичного мышления Л.С.Выготский отмечает меньшую степень использования культурных знаков. Использование знаков предполагает развитую способность к обобщению, так как знак - свернутое (обобщенное) действие - понятие. С точки зрения Выготского, «первобытные» охотнее пользуются многообразием и описательностью, чем обобщением.

Для первобытной психики характерна высокая степень слияния человека с природой. Природа выступает естественным классификатором. Вот что пишет по этому поводу Борис

Пастернак в романе «Доктор Живаго». Герой Пастернака утверждает, что «символические тексты» и «космогонические симфонии» устарели, это анахронизмы. Он говорит: «Почему это (использование символов) нестерпимо и фальшиво даже в Фаусте? Дело не в том, что эти духи огня и воды вновь запутывают то, что ярко распутано наукой. Дело в том, что этот жанр противоречит всему духу нынешнего искусства, его существу, побудительным мотивам. Эти космогонии были естественны на старой земле, заселенной человеком так редко, что он не заслонял еще природы. По ней еще бродили мамонты и свежи были еще воспоминания о динозаврах и драконах. Природа так явно бросалась в глаза человеку и так хищно и ощутительно - ему в загривок, что, может, и в самом деле все было еще полно богов. Это самые первые страницы летописи человечества, они только еще начались».

В настоящее время человек живет не в природе, а, по утверждению лингвиста Р. Барта в среде, для которой характерен «гул языка». По мнению Р.Барта, языковая стихия – вот современная природная среда человека.

Язык связан с сознанием: осознанное может быть высказано, высказанное – при определенных обстоятельстве, осознано. Психолог Жак Лакан утверждает, что бессознательное структурировано, как язык. Мышление одними только понятиями – неполноценно. Неязыкованные мыслительные единицы тоже производят эффекты. Вот что пишет по этому поводу нобелевский лауреат, поэт Иосиф Бродский в своем эссе «Меньше, чем единица»: «Глупо полагать, что познание подчинено законам функционирования языка». Далее он предостерегает читателя от опасности попасться «в западню собственных концептуальных и аналитических навыков, например, привычки использовать язык для расчленения действительности, тем самым лишая собственное сознание выгод интуитивного постижения. Ибо, при всей их красоте, отдельные концепции всегда означают сужение значения, обрезание болтающихся концов. Тогда как в феноменальном мире в болтающихся концах-то все и дело, ибо они переплетаются».

Интуиция, которая также служит делу познания, основана на целостном видении мира, а не на языковом его расчленении и ограничении познания понятийными штампами. Сознание с его логическими законами только проверяет то, что «поставляет» бессознательное. Бессознательная интуиция тесно связана с использованием не только символических знаков (по классификации Ч.С.Пирса), но также с применением иконических и индексальных знаковых функций.

Для первобытных свойственна высокая степень проективности субъективных психических содержаний на объективные данности. В результате бесконечных проекций психических феноменов на окружающую действительность возникает анимизм - первобытная форма религии, предполагающая наличие «духов». (Анима - душа). К.Юнг пишет, что дикарь, который галлюцинирует (например, слышит голос дерева, отдающего ему приказ), слышит собственное бессознательное, спроецированное в дерево.

Фетишизм – это одна из первобытных форм религии и, одновременно, глубинное свойство души ребенка и первобытного человека. Фетишизм основан на следующих представлениях: 1) представлении о том, что часть равна целому; 2) представлении о том, что смысл исчерпывается процессом означивания (означающее в первобытной психике равно означающему или, по-другому, содержание равно форме). В более широком смысле, фетишизм – это вера в то, что стоимость (ценность) имеет ту же природу, что и вещь, которую она представляет. Иначе говоря, для первобытных свойственна фетишизация означающих. Между тем, означающее есть только форма, «означающее есть то, что представляет субъект другому означающему» (Лакан). Означающее может вступать в отношения аналогии, замены, противопоставления к другим означающим, тем самым порождая смысл.

Для первобытной психики характерен синкретизм – сближение понятий, имеющих лишь внешнюю часть и замещение одного незнакомого понятия другим, более знакомым.

Частный случай синкретизма представляет собой медиацию – замену далеких противоположностей более близкими.

Первобытные обходятся бессознательной логикой: логикой парадоксов. Рациональная логика чувствительна к противоречиям, бессознательная – нет. Первые понятия человечества означали совершенно противоположные идеи. Смысл бессознательного – всегда двойной, исключая возможность наличия одного только «здорового смысла» с его причинно-следственной логикой.

Для первобытной психики характерна нерасчлененность означающего и значения, причем значение совпадает с ценностью¹. Первобытные наделяют объективные объекты и процессы окружающей действительности теми качествами, которые диктуются субъективной психической жизнью: желаниями (мотивацией), фантазиями, предшествующим опытом. Такой психический процесс (перенос «Я» в воображаемую действительность) называется проекцией. Избыточная проективность первобытных – это отражения того факта, что внешний мир в отражении первобытных выступает означающим для значений, порождаемых психической жизнью. В некотором смысле, проективность первобытной психики аналогична эгоцентризму детей.

Для первобытных свойственно переоценивать (фетишизировать) значение слов (означающих) и мыслей (фантазий). В представлении первобытных одни лишь мысли (галлюцинаторные фантазии) способны оказывать такое же влияние на действительность, как и реальные практические действия. «Всевластие мыслей» лежит в основе представления о всевластии человека вообще, выражающееся в стремлении первобытных «влиять» на действительность посредством магических действий. Для психологии детей и субъектов некоторых форм психозов тоже характерен «фантазм всевластия».

Для первобытных характерна интеграция индивида и социального сообщества. «Мы» у первобытных преобладает над «Я» (психическая инфляция). Для архаичных людей, предки – источники всех законов и предписаний.

Высокая эмоциональная чувственность, свойственная первобытным людям, объясняется нестабильностью условий, в которых они живут. Полагают, что высокая эмоциональность первобытных есть отражение общей высокой энергичности психических процессов, которые первобытные еще «не научились» рационализировать.

Приведенные выше черты психологии первобытных людей не уникальны – они характерны для любого ребенка, а также для бессознательной психической деятельности взрослого современного человека западной или восточной цивилизации.

Дополнительная литература по теме:

1. Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А.Токарев. В 2-х томах. М.: Российская энциклопедия, 1994.
2. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Многообразие видения. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
3. Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
4. Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. Г.В.Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

¹ Из семиотики известно, что ценность знака субъективна, прагматична – она определяется пользователем знака, который оценивает смысл информации. Значение же знака объективно и определяется отношением знака к реальности, которую этот знак представляет. Для первобытных индивидуальная ценность знака важнее его объективного значения.

ОТВЕТЫ

Контрольная работа № 1

Знаковая деятельность человека

1-В; 2-В; 3-В; 4-Н; 5-В; 6-В; 7-В; 8-Н; 9-В; 10-В; 11-Н; 12-В; 13-Н; 14-В; 15-В; 16-В; 17-Н; 18-Н; 19-В; 20-Н; 21-Н; 22-Н; 23-В; 24-В; 25-В

Контрольная работа № 2

Особенности коммуникативной деятельности (общения) человека

Часть I.

1-В; 2-Н; 3-В; 4-Н; 5-В; 6-Н; 7-В.

Часть II.

1г; 2а,б; 3б; 4а, б, в, г, д; 5а, б.

Контрольная работа № 3

Бессознательное психическое

Неверные высказывания: 2, 6, 11, 14, 17, 20.

Остальные высказывания – верные.

Оглавление

Введение	3
Дополнительная литература ко всему курсу	4
Тема 1. Знаковая деятельность человека	5
1.1. Предпосылки возникновения речи и сознания в обществе первобытных.....	5
1.2. Идеалы и символическая способность людей	6
1.3. Специфика знаковой деятельности человека.....	8
1.4. Эволюционные этапы формирования языкового значения.....	11
Дополнительная литература по теме 1.....	15
Тема 2. Обучение обезьян языку человека	15
2.1. Рассудочная деятельность, социальное и коммуникативное поведение обезьян	15
2.2. Обучение обезьян языкам-посредникам.....	17
2.3. Сходство и различие языка человека и знаковых систем обезьян.....	18
Дополнительная литература по теме 2.....	19
Тема 3. Инстинктивное поведение животных и человека	19
3.1. Двойственная «природа» и специфика человека, в отличие от животных ...	19
3.2. Теория инстинктивного поведения.....	20
3.3. Характеристика комплексов фиксированных действий по К.Лоренцу	24
3.4. Психоаналитические теории – об инстинктах человека.....	27
Тема 4. Антропогенез. Происхождение речевой деятельности	28
4.1. Теория звукоподражания.....	29
4.2. Трудовая теория (теория «трудовых выкриков»).....	29
4.3. Жестовая теория происхождения языка.....	29
4.4. Суггестивная теория (теория внушения).....	31
4.5. «Экологическая» теория глоттогенеза.....	32
4.6. Теория обобщения.....	32
4.7. Возникновение языка как следствие развития интеллекта первобытных людей и осознания ими страха смерти.....	33
4.8. Представления о филогенезе языкового знака У.Эко.....	34
4.9. Теория функционирования языка как средства символического обмена.....	34
Дополнительная литература по теме 4.....	37
Контрольная работа № 1. Знаковая деятельность человека.....	37
Контрольная работа № 2. Особенности коммуникативной деятельности человека.....	39
Тема 5. Антропология и психоаналитические теории. Бессознательное	41
5.1. Идеи З.Фрейда о психической энергии человека и бессознательном.....	42

5.2. Представления о бессознательном и символической способности человека, изложенные в работах Ж. Лакана.....	46
5.3. Бессознательное и структуралистские воззрения К.Леви-Строса.....	49
5.4. Представления о бессознательном К.Г. Юнга.....	50
5.4. Архетипы и мифологическое мышление.....	56
Контрольная работа № 3. Сознание и бессознательное.....	57
Тема 6. Человек в состоянии первобытности. Появление сознания.....	60
6.1. Магия – мироощущение первобытных.....	60
6.2. Функции первобытного ритуала.....	62
6.3. Особенности первобытной психики.....	64
Дополнительная литература по теме 6.....	69
Ответы.....	70